

Приватний
історико-краєзнавчий
та
літературно-
мистецький
журнал

Журнал заснований 19 серпня 1991
року Валерієм Басировим

УНОМЕРІ:

ПРЕЗЕНТАЦІЯ КНИГИ

Ольга ПРИЛУЦКАЯ: *Не повернется время вспять...* (*Страницы из повести*)...5

ПУБЛІЦИСТИКА

Тамара ГОРДІЕНКО: *Судьбой дарованная встреча* (*Воспоминание о встрече с В. П. Аксеновым*)...33

ПЕРЕКЛАДИ

Ольга ПРИЛУЦКАЯ: *Корни наши сплетены, или Нужен ли Коран на украинском*...38

Павел КАШАЕВ: *Переводы с украинского поэзии В. Сосюры*...43

ПРОЗА

Камиль ЗИГАНШИН: *Лохматый* (*Рассказ*)...44

Галина РУДЬ: *«Всякое дыхание да хвалит Господа»* (*Страницы из книги*)...48

Виктор КОРСУКОВ: *Наследник* (*Рассказ*)...60

ПОЕЗІЯ

Александр КОРЖ: *Стихи*...51

Владимир СПЕКТОР: *Стихи*...53

Сергей КРИВОНОС: *Стихи*...54

ДЕБЮТ У «ДОЛІ»

Ксана ЕТОН: *Стихи*...55

Николай ШИРЯЕВ...57

«Кто? Где? Когда?»...63

ВІКТОРИНА «ДОЛІ» ПІСЬМЕННИКАМ НА ЗАМИТКУ

О создании творческого союза «Европейский конгресс литераторов»...64

Сімферополь
2012

Головний редактор
Валерій Басиров

Журнал зареєстрований
Держкомвидавом України
08. 06. 1994 року.
Серія КВ № 697

Обкладинка художника Тараса Андрійчука
(м. Хмельницький)

Підготовлено до друку
та віддруковано
у комп’ютерному центрі
видавництва “ДОЛЯ”:
Україна, АР Крим, м. Сімферополь,
вул. Виноградна, 22, тел.: (0652) 57.30.01

Редактор першого числа часопису
Ольга ПРИЛУЦЬКА,
член Європейського конгресу літераторів

Журнал виходить українською, російською,
англійською, польською мовами.
Розповсюджується на замовлення.

Точка зору редакції може не співпадати з думкою авторів.
Відповідальність за достовірність фактів несуть автори публікацій.

С Новым годом, дорогие друзья!

И не только с Новым годом, а и с новым выпуском журнала «Доля», каждый номер которого, я надеюсь, будет таить для вас подарки — интересные, красивые и пока никому, кроме авторов, неведомые. Говорят, новое — это хорошо забытое старое. Наверное, доля истины в этом есть. Потому что журнал, который вы сейчас держите в руках, основан в августе 1991 года, накануне ПУТЧа в Москве, положившего начало распаду огромного государства, в котором родилась большая часть наших читателей и авторов. За двадцать лет выпустило 40 номеров журнала. Жизнь вносила свои корректиды, на время приостановив деятельность издания...

Но вот перевернуты первые листки календаря наступившего 2012 года. Перелистываются и страницы первого номера журнала «Доля» теми, кто держит его в своих руках. Что предложит он своим читателям? Станет ли новый год более удачным, чем прошлые, для всех нас?

Выходить журнал «Доля» будет ежеквартально. Предполагаемые разделы его номеров: проза, поэзия, переводы, публицистика, критика, наследие классиков, дебют, юмор, Мир в фото.

ПРОЗА. В редакции идут дебаты, можно ли в журнале, выходящем раз в три месяца, размещать крупные прозаические произведения? Не забудется ли предыдущее содержание романа или объемной повести к выходу его продолжения? Конечно, истинный читатель сохранит номер журнала, чтобы, в случае чего, восстановить в памяти подзабытое. Но, тем не менее, пока мы на распутье. Скорее всего, поначалу предпочтение будет отдано коротким рассказам, сокращенным вариантам романов и повестей или отдельным выдержкам из них.

ПОЭЗИЯ. Здесь все привычно. Стихи авторов в различных жанрах, 3-5 стихотворений в номер от автора.

ПЕРЕВОДЫ. Короткая проза и стихи с любого языка с предоставлением подстрочки.

ЮМОР — в стихах и прозе.

НАСЛЕДИЕ КЛАССИКОВ — произведения классиков мировой литературы.

ДЕБЮТ — для тех, кто только-только входит в литературу. Не исключаются и самые юные авторы.

МИР В ФОТО — предполагает фотогалерею различных фотохудожников. Те, кто увлекается макросъемкой, покажут нам мир, который мы не замечаем. Те, кто живет в дальнем зарубежье или вернулся из путешествия, снабдив снимки собственным рассказом, смогут показать нам мир географии. Да и просто картинки неведомых нам уголков России, Украины, Беларуси будут всем интересны, поскольку не каждый может сейчас вот так просто взять и махнуть из Крыма в Сибирь, на Волгу, в Москву или в Санкт-Петербург.

Не буду ни от кого скрывать, что материальные трудности придется преодолевать и нашему журналу, как всем, живущим в нынешнее непростое время. Многие журналы, литературные альманахи печатают в своих изданиях авторов за их счет. Наш журнал пока не определился с этим вопросом. Скажу сразу, что целью издания не является обогащение его учредителя. Главное желание — помочь автору показать свое литературное детище, а читателю прочесть его. Не секрет, что многие авторы зачастую не в состоянии издать собственную книгу за свой счет, что в настоящее время является практически единственной возможностью увидеть свое произведение в печатном варианте. Поэтому журнал — наиболее доступное средство для решения данной проблемы. Может быть, «Доля» пойдет своим путем — работы авторов будут приняты в журнал об юдобрплатно, но журнал автором покупается самостоятельно. Время покажет, какой способ будет выгодней авторам «Доля». Пока же в первом номере мы размещаем работы самых близких друзей журнала, которые не заподозрят редакцию в крохоборстве. Надеюсь, что с помощью наших авторов и читателей журнал «Доля» будет жить долго, делая судьбу каждого более интересной, разносторонней, насыщенной и оттого счастливой.

С Новым годом вас, дорогие мои старые и новые друзья! Я желаю всем вам, как и себе, здоровья, благополучия, успехов, новых ярких произведений литературы и фотографии, удачи в осуществлении задуманного!

*Валерий БАСЫРОВ,
главный редактор*

Ольга Прилуцкая

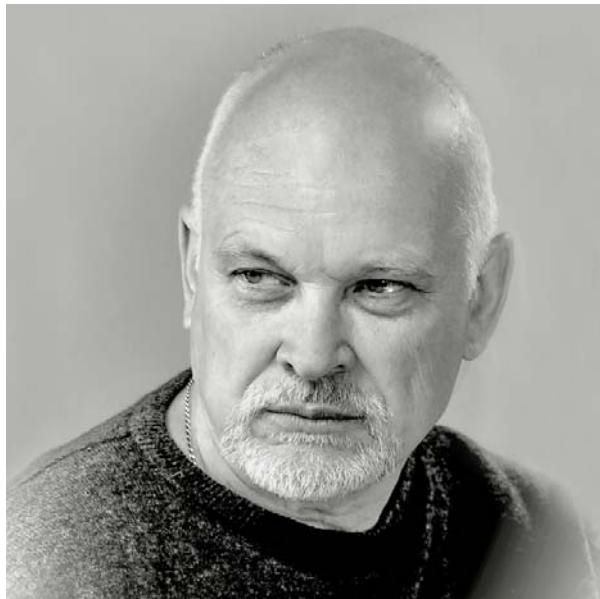
Эта художественно-документальная повесть написана в 2011 году, издана совсем недавно, в декабре ушедшего года. Книга о наших современниках, о жизни поколения наших дедов и отцов. Кроме интересного рассказа, в ней немало фотографий, имеющих уже историческую ценность. Публикация в журнале «Доля» — премьера, первая презентация книги.

НЕ ПОВЕРНЕТСЯ ВРЕМЯ ВСПЯТЬ...

Страницы из повести

*Лишиь бы песня моя не смолкла
ни сейчас,
ни потом.*

B. Басыров

*Хрипит закат, в крови утопленный,
и пепел сеется у звезд...
Через столетья слышу вопли я
горящих киевских берез.*

*И вижу лица я надменные
моих пропрадедов — татар,
а рядом пленники согбенные:
и стар и млад, и млад и стар...*

*Над церковью над Десятинною
давно завис вороний грай.
Конец. Безудержной лавиною
растоптан Ярослава край.*

*Но почему такой усталостью
подернут властный взгляд Бату?
Его мечта не знала жалости,
мечом он подгонял мечту.*

*Глаза спокойным безразличием,
как сном, напоены его.
В погоне вечной за величием
все получил — и ничего.*

*К ногам владыки сносят воины
иконы, ризы и кресты...
Грабеж у сильных узаконенный —
часть исполнения мечты.*

*Но как понять их, нераскаянных
(упрям здесь каждый урустит,
как совесть раненой Руси),
сраженных насмерть, заарканенных?*

*Быть может, в первый раз сомнение
коснулось ханского чела —
он понял, может, на мгновение:
Русь станет крепче, чем была.*

Когда я впервые увидела автора этих стихов, у меня мелькнула мысль, что есть в нем что-то от тех его «прапрадедов-татар». Но мало ли... В конце концов, «да, скифы мы, да азиаты...» И почти все... Но потом я услышала со сцены международного литературного фестиваля «Славянские традиции-2009», что он, действительно, сын татарина и украинки с польскими корнями... Как много в нас таких переплетений!

Собираясь в 2009 году на «Славтрадиции», свой первый литературный фестиваль, я высушивала ворчание одного из моих друзей, который досадливо морщился: «Чего ты туда едешь? Потусоваться? Лучше бы сидела дома и писала! Работать надо!» А я робко оправдывала свою «глупость», отвечая ему: «Ну, ты понимаешь, говорят, там будут издатели...» На это мой друг расхохотался: «Ну, конечно, так прямо к тебе и подойдет издатель!..» А он и подошел ко мне — зарегистрироваться в списках, которые я вела на открытии фестиваля.

Представьте себе картину. Я вышагиваю в центре фойе Щелкинского ДК «Арабат» и зычно, как заправский массовик-затейник, периодически выкрикиваю, размахивая еще пустым регистрационным листком: «Гости, приглашенные на фестиваль, пожалуйста, подойдите сюда!» Вышагиваю, потому что мне не хватило места за столом, где записывались участники конкурса. Но долгое время я оставлюсь в гордом одиночестве. Гости, как правило, собираются к самому началу мероприятия, времени еще много. Я уже присматриваюсь к тем женщинам, которые ходят по фойе, не зная, куда себя девать — не передать ли им мои бумаги под каким-нибудь благовидным предлогом. Не люблю торчать у всех на виду без дела! Но вот ко мне подходит человек, уве-

шанный «навороченными» фотокамерами («Фотограф, что ли?» — мелькнула у меня мысль), и просит его зарегистрировать. Чтобы не допустить ошибки, на всякий случай уточняю, участник он или приглашенный? Отвечает, что коль приехал на фестиваль, значит, будет участвовать. Я вежливо, чтобы подсказать ему правильное направление его дальнейшего передвижения по залу, интересуюсь, в какой номинации конкурс он участвовал и в какой лист вошел (в длинный или короткий)? Он засмеялся и ответил, что во все сразу. Я сказала, что в таком случае ему не ко мне, потому что у меня должны регистрироваться только приглашенные, то есть довольно известные люди. С достоинством ответила! И указала ему на большое скопление народа у стола, мол, туда вам, участник. Он как-то странно посмотрел на меня, улыбнулся и немного обескураженно произнес: «Да меня здесь все знают...» А потом решительно добавил: «Из ваших я списков! Пишите — Басыров Валерий Магафурович, Симферополь, Крым». Минут через двадцать я увидела его на сцене среди тех, кого регистрировала. Его представили: один из организаторов фестиваля «Славянские традиции», писатель, поэт, переводчик, книгоиздатель, общественный деятель, лауреат... Так много всего перечислили! И захотелось мне выяснить получше, кто же он, вообще-то, этот Басыров, которого в Крыму действительно знают?

Родился 11 сентября 1947 года в поселке Сами Ивдельского района Свердловской области.

ОТЕЦ. Басыров Магафур Сабирович, 1914 года рождения. Татарин по национальности, сын имама, т. е. главы мусульманской общины. О нем известно немногое: был офицером Советской Армии, воевал. После войны с час-

тью, в которой служил, стоял в г. Славуте Хмельницкой области. Видимо, он имел склонность к путешествиям или судьба предрасполагала к скитаниям. Сначала пришлось уехать на Урал, чтобы затеряться в далеких краях, скрываясь от наветов в то непростое для всех советских людей время. Стал геологом. Обаятельный, непокорный, своенравный, романтик... Для сына он был красивой легендой многие годы.

*Пусть тянется долго лесная дорога.
Сквозь осень тревожную видятся мне:
высокое небо и берег пологий,
и едет навстречу отец на коне...*

МАМА. Свищевская Валентина Антоновна, 1924 года рождения.

Валентине было семнадцать, когда началась Великая Отечественная война. С первых ее дней город Славута, где жила семья Свищевых, мать и две дочери, на три долгих года оказался оккупированным фашистами. Выжили, сберегли друг друга. Наверное, не будь войны, красивые сестры Свищевские вышли бы замуж так же рано, как их мама Надежда Игнатьевна. Но война забрала парней у девчат той суровой поры. Никто не знает, что ему написано на роду. Вале Свищевской судьба улыбнулась в 1946 году лицом бравого офицера, старше ее на десять лет. И ничего не хотелось знать о его прошлом. Было лишь «сегодня», и вся жизнь впереди! Нежно и горячо полюбила она, девушка польских кровей, этого непокорного и упрямого человека со слегка азиатским разрезом глаз. Понадобилось — добровольно разделила его участь, отправившись на Урал. Поехала с ним так далеко от своей родины, Украины, вопреки уговорам и тайным, ночным, слезам матери.

Тяжелым оказалось ее счастье. У каждого оно свое! Жизнь складывается из встреч и расставаний, радости и печали, из слез и улыбок, из будней и праздников. Родился сын. Радость! Отец назвал его Валерием. Принес документы на сына и почти сразу же огоропил — уезжаю на юг, потом заберу вас к себе. Потекли дни томительного ожидания, отравленные болью горького женского одиночества. Да не тот человек Валентина, чтобы унывать! Рос-

сын, он впервые произнес слово «мама». Какое счастье! Но некого мальчику показать, чтобы научить его слову «папа». Нет рядом человека, который заменил бы того, кого продолжаешь любить и ждать... Но, чтобы выжить и жить дальше, нужно было много работать. Пришлось пройти через Урал, Воркуту, Волго-Донской канал... Тяжко быть матерью-одиночкой, когда некому защитить ни тебя, ни сына от недобрых взглядов, от обидных слов, которые порой бросались походя, не задумываясь, а хлестали больно... Только и радости было, что единственная родная душа — маленькая, хрупкая, чувствительная и ранимая, жаждно впитывающая в себя окружающий мир. Но это был мальчик с характером своего отца. И приходилось Валентине Антоновне быть для него и ласковой мамой, и строгим папой. А главное — верным другом. Вместе играли в мальчишеские игры, иногда хулиганили. Никто не знает, сколько слез ею было пролито, когда услышала она страшный диагноз, поставленный врачами ее сынишке, — туберкулез. И началась борьба за его жизнь. Но не зря, выходит, Магафур Басыров нарек своего сына Валерием. Ведь имя это означает крепкий, здоровый, бодрый, сильный. Мальчик выжил вопреки всему! Выжил и написал однажды:

*Я помню, как томительно, бывало,
тянулись неприветливые дни,
когда читать ты сказки уставала,
и на лучинах таяли огни.*

*И мы молчали в тайном ожиданье,
Что тихо в переплеты узких рам, —
пускай случайно или с опозданьем, —
волшебник добрый постучится к нам.*

*И так поверил я однажды в чудо,
что мне привиделось в тиши ночной:
озабий и неведомо откуда
отец вернулся непутевый мой.*

*На краешке единственной кровати
сидел он равнодушно, как чужой,
а на рассвете в побледневшей хате
опять остались мы одни с тобой...*

*Волшебникам давно уже не верю,
но столько грусти на твоем лице,
что по ночам не запираю двери
и о забытом думаю отце.*

Навсегда в памяти Валерия Басырова остался Север. Об этом периоде жизни он написал, по сути, автобиографическую повесть «Тогда, в пятидесятых». До сих пор хранится у него чернильница, сделанная руками заключенных лагеря, в котором пришлось одно время работать его маме. Как дочь учителей, которые безоглядно отдавали себя школе, я выросла на работе своих родителей. А маленький Валера Басыров рос среди «врагов народа», частенько заглядывая к ним в гости в женские бараки лагеря. Уважали осужденные справедливую и добрую Валентину Антоновну, как могли и чем могли баловали ее мальчишку. От его вида становилось чуть-чуть теплее на душе, многим он напоминал дом и собственных ребятишек.

А взрослый Валерий Басыров позже напишет:

*Упал — пропал...
Упал — пропал:
пытала холодом природа.
Я часто падал, но вставал
и шел среди «врагов народа».*

*Конвой смеялся надо мной:
«Еще походишь по этапу,
всем хватит места под Шексной —
детишкам,
мамам,
папам».*

*Лежневка к Северу вела.
Тащила наши вещи кляча,
и на подводе мать спала,
лицо в бушлат от ветра пряча.*

*Я падал и с трудом вставал —
подножку ставила усталость.
Я был тогда настолько мал,
что мной ненастье забавлялось.*

*Упал — пропал...
Упал — пропал:
пытала холодом природа.*

*Я многоного не понимал,
но по этапу шел с народом.*

А в школу Валерий пошел уже в Славуте, куда привезла его мама, решив таки вернуться в отчий дом. И полюбил ее сынишку еще одного родного человека, отдавшего ему все тепло своей души.

БАБУШКА. Для всех внуков бабушки — самые добрые, самые любящие на свете люди. Они мягкие, как перина и пуховое одеяло. От них исходит необыкновенное тепло, сказка и мудрость, от них пахнет сдобой и вареньем. Они балуют больше, чем мамы.

Этот рассказ я записала со слов внука.

Свишевская Надежда Игнатьевна, урожденная Захожая. На свет появилась 15 сентября 1902 года в городе Славута Каменец-Подольской области (ныне Хмельницкая область).

В 1921 году по каким-то своим делам из села Дорогоща приехал в Славуту молодой хлопец, кузнец богатырского телосложения и силы Антон Свишевский. Приехал да так и остался в городе, повстречав молоденькую и озорную Надежку Захожую. В свой девятнадцатый день рождения она стала женой Антона. На два года муж был старше ее. Сметливый, работящий, хозяйственный. Через пятнадцать лет семья Свишевских — он, жена и две дочери — вошла в новый дом, построенный руками Антона Степановича. На подворье появились лошади, корова, свиньи и птица. А перед домом хозяин поставил рундук — большой ларь с поднимающейся крышкой — колбасный магазин. Колбасы делала сама хозяйка. Она же, развесив колбасные кольца над прилавком, торговала в своем маленьком магазинчике. Шел 1937 год. Однажды к рундуку подошла подвыпившая ватага парней. Один из них сорвал кольцо колбасы, разломил его пополам и передал товарищам. Надежда Игнатьевна попросила их рассчитаться. Разгоряченные друзья ужасно возмутились этой просьбе. Они стали кричать, что куркули обязаны кормить комсомольцев бесплатно! На крик прибежал Антон Степанович. Обладая отменной силой, он быстро в одиноч-

ку разобрался с подвыпившими. Казалось, инцидент был исчерпан. Ах нет! Через несколько дней в дом пришли «люди в черном». Свищевского увезли. И с тех пор он исчез навсегда. Почти сразу же конфисковали дом с магазином. А Надежда Игнатьевна и ее дочери оказались на улице. Нет, не совсем на улице. Над ними власть имущие, поселившиеся в их доме, сжалились — позволили занять старенький почти развалившийся домишко, с которого начинали в Славуте свою жизнь Свищевские около двадцати лет тому назад. Отдали выброшенным из нового и крепкого жилища то, что не успело окончательно развалиться только потому, что использовалось хорошим хозяином Антоном Степановичем в качестве сараев. Семье врага народа ничего не полагалось — ни дома, ни работы! Но отменная хозяйка и мать, оптимист по натуре, Надежда Игнатьевна и в сарае навела уют, а на жизнь зарабатывала тем, что обстиривала богатых людей в городе да мыла у них полы. И ни минуту не теряла надежды, что муж вернется, она найдет его! По вечерам пели песни с дочками и старались не унывать. Пережили немецко-фашистскую оккупацию...

После войны Свищевские так и остались жить в своем старом сарае. А в их доме жили две семьи — прокурора района и начальника уголовного розыска. Легким забором отгородились только от бывших владельцев.

Надежда Игнатьевна продолжала искать мужа, добиваться справедливости, отдавая большую часть заработанных денег тем, кто умел составлять жалобы. А сосед-прокурор, ласково улыбаясь через забор, цитировал ей ее письма. И тогда она поняла, почему нет ответов на отправленные заявления и прошения. Система сдаваться не собиралась. Но и Свищевские не из тех, кто прогибается под ударами невзгод. Пришлое проявить смекалку — письма стали отправлять с вокзала. Просто подходили к поезду, идущему в Москву, и опускали конверт в почтовый ящик, прикрепленный к вагону. И «кто хочет, тот добьется!» Где-то в машинном аппарате системы что-то вдруг не сработало (а может, просто кто-то сра-

ботал по совести), и семье Свищевских пришла справка:

«Свидетельство о смерти. № ЯС 197412. Гр. Свищевский Антон Степанович умер 13 июня 1942 года. Причина смерти: язва желудка, о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти за 1957 г. месяца июня 14 числа произведена соответствующая запись за № 9. Место смерти город Попельня, район Попельнянский, область Житомирская. Дата выдачи 14 июня 1957 г. Печать. Подпись».

Те, кто выдал эту справку, даже не задумались над тем, что 13 июня 1942 года Житомирская область была во власти оккупационных войск. Ведь девятого июля 1941 года 13 танковая гитлеровская дивизия вошла в Житомир, и оккупация длилась до второго января 1944 года. Значит, Антон Свищевский был убит до войны. Вполне вероятно, в том же 1937 году, когда его забрали. А свидетельства о его смерти и о смерти других людей были распечатаны советской тюремной машиной заблаговременно...

Обливая слезами эту абсурдную справку, Надежда Игнатьевна вновь пошла по инстанциям. И, приняв к рассмотрению дело по ее ходатайству, 9 октября 1967 года Верховный Суд УССР выдал ей следующий документ:

«Гр. Свищевской Надежде Игнатьевне. Справка. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда УССР от 13. 12. 1957 года постановление от 19. 11. 1937 года в отношении Свищевского Антона Степановича отменено, а дело производством прекращено за не доказанностью предъявленного обвинения. Гр. Свищевский А. С. по данному делу реабилитирован.

Заместитель Председателя Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда УССР Т. Евсеева».

Тридцать лет понадобилось, чтобы восстановить честное имя мужа, Свищевского Антона Степановича! Но еще нужно было вернуть семье дом, построенный его руками. И вновь Надежда Игнатьевна отправилась по инстанциям с новой справкой. Казалось бы, чего проще уж теперь-то, когда все ясно? Да не тут-то было! К несчастью Свищевс-

ких, их дом был так хорош, что его облюбовали представители закона, и чхать они хотели на закон для себя! Тем более что письма-жалобы Свишевской возвращались из Москвы и Киева прямехонько к ним в руки. Наконец, с грехом пополам, через тридцать с лишним лет Свишевским вернули половину дома. Разросшаяся к тому времени семья перебралась из своего сарая в часть родового гнезда. Вторую же половину никак отдавать не хотели. Надежде Игнатьевне уже исполнилось семьдесят лет. Внук Валерий вырос, работал корреспондентом районной газеты «Труженик Полесья», его фамилия уже была на слуху не только у земляков, но и у районного начальства.

В мае 1972 года впервые за всю историю двусторонних отношений великих держав, Америки и СССР, ожидался официальный визит действующего президента США Ричарда Никсона в Москву, где он должен был встретиться с Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Брежневым. Москва готовилась к этому эпохальному событию. Но никто не знал, что, кроме высших чинов двух государств, с не меньшей ответственностью и тщательностью подошла к этому делу и никому не известная в их кругах старушка из Славуты. Майским вечером она объявила домашним, что отправляется в гости к своей подруге в Клайпеду и вернется через несколько дней. Близким ничего особенного в этом не показалось. Но спустя неделю в редакции газеты «Труженик Полесья» раздался междугородный телефонный звонок. Трубку взял двадцатипятилетний корреспондент Валерий Басыров. Оказалось, что как раз он и был нужен для разговора.

— Вы внук Свишевской Надежды Игнатьевны? — уточнил незнакомый женский голос.

— Да! — с удивлением подтвердил ничего не подозревающий парень.

— Как же вы могли так поступить? Отпустить свою бабушку одну, в такую даль...

— Простите, с кем имею честь?

— Я лечащий врач одной из клиник Москвы.

— Москвы?! А что случилось с бабушкой? — по-прежнему ничего не понимая, встре-

вожился Валерий. — И вообще, как она оказалась в Москве?

— Так вы ничего не знаете?

— Нет, конечно!

— Не волнуйтесь, с ней все хорошо. Она скоро приедет и сама обо всем расскажет. Я хотела узнать, что она действительно из вашего города и что за нее кто-то может поручиться, то есть встретить ее, когда она вернется домой...

Вскоре томящиеся в недоумении родственники встречали Надежду Игнатьевну на железнодорожном вокзале. Бабушка приехала веселая, довольная, с подарками...

Оказывается, кто-то надоумил ее поехать в Москву к Брежневу и лично ему вручить прошение. На Красной площади она стояла в день приезда Ричарда Никсона. «Было очень много людей, — рассказывала Надежда Игнатьевна. — Вокруг полно охраны. Она все время старалась оттеснить нас подальше от заграждения. А я протиснулась вперед и стою, никому не даю меня оттереть назад. Потом люди заволновались — приближалась делегация. Кто был впереди, я не увидела, потому что бросилась на площадь, прорвав оцепление. Упала на колени и над головой подняла прошение. Кто-то у меня его вырвал. Меня схватили под мышки, куда-то потащили. Заволокли в санитарную машину и увезли в больницу. Поместили в отдельную палату. Такой чистоты я давно не видела. В баню сводили. Переодели во все новое. А как меня кормили!.. И врачи, которая мной занималась, была такой обходительной! Лекарства дала хорошие. И в поезд билет мне купила, и сама к поезду подвезла, и еды на дорогу дала...

Теперь слушай, внучек! Тебя будут вызывать в райком и ругать за меня. Я знаю это! Так ты всем отвечай, что очень крепко со мной поговорил, объяснил, что так делать нельзя! А я, кому нужно, буду рассказывать, что внук меня за эту Москву со свету чуть не сводит, никакого життя не дает...»

Действительно, Валерия Басырова вскоре вызвали в кабинет третьего секретаря райкома партии, занимающегося идеологией. И очень мягко попросили его разобраться с родной бабушкой. «Но, — третий секретарь

погрозила пальчиком, — пожалуйста, деликатно! Она все-таки женщина... И, смотри, без рукоприкладства. Мне уже сообщили, что ты с ней очень грубо себя ведешь. Кто ее знает, напишет в Москву жалобу на собственного внука, и придется открывать на тебя персональное дело...»

Персональное дело на Валерия Басырова не открыли. Наоборот, вскоре бабушке вернули долгожданную вторую половину дома. Так Надежда Игнатьевна Свишевская своими действиями обвела вокруг пальца и рядом партии, и местные правоохранительные органы. Через 35 лет она стала полноправной хозяйкой своего дома. А еще через пять лет ее сердце остановилось...

Говорят, в жизни все происходит не случайно. Все взаимосвязано между собой. О чем думал Магафур Сабирович Басыров, нарекая своего сына Валерием? Может быть, хотел, чтобы начиналось оно так же, как имя любимой женщины, матери этого ребенка? Может, знал, чувствовал, что предстоит его мальчику трудная жизнь? И потому так назвал, предопределяя этим всю его дальнейшую судьбу? Предопределяя или желая, чтобы он прошел по ней так, как скрыт ее смысл в нем?

Я открыла книгу Бориса Хигира «Тайна имени» на разделе «Валерий». Открыла с усмешкой, не веря в то, что смогу убедиться в ее правоте. Зачиталась и стала ловить себя на том, что постоянно провожу параллели между прочитанным и тем, что знаю о Валерии Магафуровиче Басырове. Знаю я Басырова в большей степени по его произведениям и скромным рассказам о себе и своей семье. И еще по собственным наблюдениям со стороны.

Замечательный советский поэт Лев Озэрский как-то сказал: «Биографию ничто не заменит. Что может заменить автобиографию? Лирика. В ней сказано и недосказано все, что следовало бы знать о поэте и его современниках. Если же поэт не выразил себя в стихах, то ему не поможет самая искренняя и увлекательная автобиография». Попробую и я «пройтись» по биографии интересного, многогранного человека, сопоставляя рас-

крытую тайну имени Валерий и открывшуюся для меня книгу жизни литератора и книгоиздателя Валерия Магафуровича Басырова. Надеюсь, «путешествие» будет интересно еще и тем, что в окружении этого человека всегда много неординарных личностей, умеет он оказываться в гуще событий. Но главное, Басыров — один из нас. Он человек нашего времени. Перелистывая книгу жизни Валерия Басырова, каждый может уловить что-то свое — себя, своих близких и друзей. Я слушаю шелест страниц и вижу нашу страну, ее народ, его историю...

Из книги Б. Хигира «Тайна имени»:

«Уже в детские годы человек, названный Валерием, отличается от своих сверстников озорным характером. Любят шумные игры, прятки, бег. Он непоседлив, его постоянно тянет на приключения. Имя Валерий означает непременные рискованные и экстремальные развлечения. Он может прыгать, как Тарzan, или вызывать духов ночью на кладбище. Для него ничего не стоит «на спор» перебежать дорогу в самом опасном месте или залезть на самое высокое дерево».

Из книги В. Басырова «Повесть о мраке»:

«Мы с Витькой, соседским мальчиком, с которым потом дружили много лет, решили к приходу родителей с работы наловить в Горыне (река в г. Славуте — О. П.) рыбы. Оделись потеплее. Взяли снасти, топор и отправились на речку.

Лед был на удивление крепок. Вокруг суетился снег, мелкий и жесткий. Было безветренно, но он резво бегал по льду; лишь заигравшись, не заметив края полыни на середине Горыни, обрывался в стылую воду и разбивался о белое крошево.

И я направился к полынье. Зачем? На этот вопрос не могу найти ответа и по сей день. Долго стоял у края полыни, и когда лед под моими ногами разошелся, и я забарахтался в воде, — не удивился.

Испуга тоже не было. Только любопытство.

Течение потянуло ноги под лед. Лишь руки удерживали меня на поверхности. По-

пытался выбраться на лед — он обломался».

Из книги Б. Хигира «Тайна имени»:

«При всей непоседливости своей натуре Валерий любит читать, но только то, что соответствует его неугомонному характеру: приключения, детективы, фантастику».

В детстве у мальчика настольными книгами были Майн Рид и Фенимор Купер. «Мексиканец» Джека Лондона повлиял на становление характера юного Валерия Басырова.

Из книги Б. Хигира «Тайна имени»:

«Учится хорошо, хотя не отличается усердием»

Да, ум у Валеры Басырова с раннего детства был очень живым и пытливым. Учиться он любил. Для него не составляло особого труда вникать в суть предмета, отличная память помогала учебе без зубрежки. Но в восьмом классе его выгнали из школы ... «за нежелание учиться». Абсолютно справедливо подметили это педагоги! Не хотел учиться мальчишка так, как ему предлагали и требовали. Его душу очень рано задела своим крылом поэзия, разбудила данные Богом способности, и он, еще не умея читать, начал рифмовать слова, играя, отвечать четверостишиями на вопросы взрослых. Повзрослев, много думал над прочитанным и тем, что видел в своей жизни. В школьных сочинениях хотелось высказывать собственные мысли, а не то, что полагалось выучить из хрестоматии и написать без ошибок. И потому его соседка по парте, списывавшая свою работу по русскому языку и литературе из учебника, лежавшего на коленях, получала «пятерку», а он, стараясь изложить собственные размышления, — в лучшем случае, «тройку». Не понимал этого мальчишка, не хотел принимать такой несправедливости и глупости!

Я наблюдала порой, как меняется взгляд у взрослого Валерия Басырова в зависимости от того, кому он послан. Не хотела бы

я быть на месте человека, который сумел показаться Басырову непоправимо серым и тупым. Тяжел басыровский взгляд на таких людей. И потому я понимаю учительницу школы, на которую смотрел ученик Басыров, сознавая, что она говорит заученную банальность, когда о том же можно рассказать красивым, искрящимся, образным языком. Конечно, у нее сдавали нервы, и она кричала ему: «Что ты уставился на меня, бандит?! Вон из класса!» А «бандит» и сам толком не понимал еще, чем так раздражал, и за что его выгоняли.

Но Басырову с детства везло на хороших и добрых людей. На его счастье, в Славутской средней школе № 4, куда он перевелся после исключения из прежней школы, нашелся такой человек — Василий Семенович Еремов. Он был завучем, преподавал русский язык и литературу. Его заповедь «Храни чистую душу несмотря ни на что...» пронес Валерий Басыров через всю свою жизнь.

А жизнь его не была выстлана ковровыми дорожками. Мама работала в красильном цехе на суконной фабрике в Славуте. Заработка был небольшой. Денег семьи не хватало. В те годы трудно жилось многим. Но когда в семье зарабатывает только мама, то дети рано узнают цену деньгам. Окончив школу, Валерий отправляется в Херсон. Там он работает судовым разметчиком и тяжелажником на Херсонском судостроительном заводе. В сейфе Валерия Басырова лежат маленькие женские часики. Это подарок сына маме, Валентине Антоновне. Их он купил ей на свою первую зарплату. Сорок пять лет прошло с того времени. Много воды утекло... Но, покрутив недавно колесико завода часов, Валерий Магафурович услышал тихонькое биение их жизни: тик-так, тик-так... Они идут. И жизнь без мамы продолжается вот уже пятнадцатый год.

Из книги Б. Хигира «Тайна имени»:

«К матери относится снискходительно, ее советы и наставления слушает вполуха, хотя в споры с ней и не вступает».

Думаю, и это вполне справедливо по отношению к Валерию Басырову. К самостоя-

тельности и независимости он стремился с детства. А мамам всегда странно бывает видеть своих повзрослевших детей. Об этом Валерий Магафурович написал в одном из стихотворений:

— Как быстро ты вырос, —
мне мать говорит,
когда ее в чем-то сейчас поучаю.
Я вижу,
как радость слезою дрожит,
и скрытую гордость в глазах замечаю.

Но если я взрослый,
тогда почему
на черствость
по-прежнему искренность трачу?
Зачем,
когда горе придет,
не пойму,
в ладони твои я лицо свое прячу?

По закону тех лет в СССР единственный сын в семье, где нет отца, в армию призывался только с согласия матери. Долго уговаривал Валерий Валентину Антоновну разрешить ему пойти на военную службу. Уговорил! Впервые в 1966 году увидел он столицу Украины Киев, где был «в учебке». А потом продолжил службу в Азербайджане, в части ПВО, стоящую в Яшме. Вообще-то, ПВО — это «Противовоздушная оборона». Но между собой солдаты расшифровывали эту аббревиатуру как «пешком вокруг объекта». Там, вышагивая в нарядах, Басыров стал сочинять не только стихи, но и статьи, печатался в окружной газете Бакинского военного округа «На страже». Даже гонорар за это получал. Потом на эти деньги купил печатную машинку и к концу службы выглядел заправским журналистом.

Из книги Б. Хигира «Тайна имени»:
«Занимается спортом, предпочитает бокс, может быть частым и удачливым посетителем ипподрома».

Не знаю, как насчет ипподрома, но в бокс Валерий записал себя сам еще в школе. Очень уж стеснительным он был, особенно

с девчатами — мгновенно краснел и терялся. Чтобы избавиться от такого «комплекса», он пошел в драмкружок и в секцию бокса. В армии стал кандидатом в мастера спорта.

Отслужив, в 1969 году вернулся в родной город Славуту. На второй день после возвращения из армии пришел в городской парк.

Толчея мне мешала.
И сам я мешал.
Танцплощадка кривляньем смешила.
В исступленье своем ты была хороша...

Белокурая, голубоглазая красавица с точеной фигуркой и удивительным, привлекательным, словно многообещающим именем — Виктория Собицанская. Он сразу почувствовал — это Она! Первый танец был танго...

Пока провожал девушку домой, узнал все про ее семью. Показалось, что знакомы они всю жизнь.

Однообразность лиц и улиц,
и вереница тусклых дней.
Но мы друг другу пригляднулись.

Весеннее время.
Доброе,
вечное.
Впервые спешу на свиданье
растрапанным,
радостным вечером.

Из книги Б. Хигира «Тайна имени»:
«С точки зрения брака значение имени Валерий — это продолжительный, тщательный, очень вдумчивый, щепетильный выбор супруги. Валерий никогда не женится на первой попавшейся девушке».

Виктория оказалась для Валерия Басырова первой и единственной на всю жизнь.

Мы с тобой едва знакомы.
За калиткой,
возле дома,
пес беснуется огромный.

Мутное солнце теряет лучи,
скрылись в траве незабудки.
Все затихло,
молчит.
Мы молчим.

Волна зовет.
Волнуемся членок.
С невольницей невинных развлечений
из полевых цветов плетут венок.

Догорает день.
Костер давно погас.
Ветер скуют и ползает рядом —
своим присутствием смущает нас.

Нас было двое.
Ты любила...
Волна к тебе прильнула,
и сердце у меня заныло.

Горынь таинственна, капризна.
Туманом сжаты берега.
Мы различаем по шагам
кто мимо нас пройдет,
кто выйдет прямо к нам
и шутит:
— Здравствуй, призрак!

Год свиданий. Сделанное и принятое предложение. Свадьба 30 августа 1970 года. Счастье!

Ночь. Луна в окне.
Халатик сброшенный
съежился на стуле.
Как спокойно спит моя хорошая!

В глазах твоих дрожит восторг,
волна лениво лижет берег.
Какая ширь!
Какой простор!

Из книги Б. Хигира «Тайна имени»:

«В зрелом возрасте значение имени Валерий — это серьёзность, настойчивость, активность, высокий уровень интеллекта. Активность людей, носящих имя Валерий, зависит от выбранной профессии. Если работа им не нравится, они будут менять ее до тех пор, пока не найдут то, что нужно.

Валерий настойчив и бесстрашен. У него крепкая психика, он лишен каких-либо комплексов в отношениях с людьми. Он контактен, легко заводит новые знакомства. Выбирает такую специальность, которая давала бы возможность не только обеспечить семью, но и путешествовать. Его душевный мир устойчив, как, впрочем, стабильно и устойчиво все, что он создает: семья, круг соратников по работе. Нужны исключительные обстоятельства и поступки окружающих, включая жену, чтобы Валерий изменил своим привязанностям».

Из армии Валерий Басыров вернулся членом КПСС. Буквально в первые же дни отправился в райком партии становиться на учет. Там и заприметил его в секторе партучета первый секретарь райкома ЛКСМУ Анатолий Супрун. Приглянулся ему высокий спортивный парень.

— Ты где работал до призыва? — спросил он Басырова.

— На Херсонском судоремонтном, такелажником.

— Пойдешь к нам работать инструктором райкома?

Валерий неопределенно пожал плечами. У него вообще-то была несколько иная задумка...

— Давай, давай, не раздумывай! Мне как раз нужен инструктор в промышленный отдел! Работа интересная, с людьми. У тебя получится!

Из книги Б. Хигира «Тайна имени»:

«О людях, с именем Валерий. Общительность — имеют все данные, чтобы быть очаровательными людьми. Любят организовывать приемы, обильные и продолжительные застолья».

Да, эти качества оказались присущи и Валерию Басырову. Именно они понадобились ему в работе в должности инструктора промышленного отдела Славутского райкома комсомола. На предприятия города очень часто приезжали различные гости. «У тебя представительный вид! — одобрительно сказал ему однажды первый секретарь райкома. — Будешь сопровождать делегации». И одной из основных обязанностей инструктора Басырова стало встречать гостей, размещать их в гостиницах, водить по заводам и фабрикам, кормить, поить, порой укладывать спать... Нужно было принимать активное участие в застольях, не пьянея при этом. У здорового, сильного Басырова это получалось. Но вскоре ему надоела такая работа. Да и будущую жену не очень она устраивала. Только мама, не зная всей подноготной, гордилась сыном. Не вся кому предлагают работу в райкоме комсомола! А ее Валерий может далеко пойти! Она верила в сына всегда!

Еще в армии Басыров понял, что он может писать. Ему хотелось заниматься этим, чувствовал, что у него это получалось. Он уже не мыслил себя без Слова, без образов, которые переполняли воображение. И Валерий решил уйти из райкома. Узнал, что в редакции районной газеты «Трудівник Полісся» («Труженик Полесья») есть вакансия корреспондента. Отправился туда. Но там его ждало разочарование — необходимо профессиональное знание украинского языка. В школе тогда ему обучали не самым лучшим образом. Образования не хватало! А из райкома не отпускали. Но «упрямства мне не занимать!» сказал Басыров и стал гнуть свою линию. Вызвали «на ковер» к первому секретарю райкома партии Александру Штуню.

— Говорят, уходить от комсомольцев собрался? И куда же? Слышал, в газету хотел пойти?

— Нет! — сжал губы Басыров. — На завод ЖБК.

— Чего?! — удивился первый. — И кем же, позволь узнать?

— Бетонщиком, — пожал плечами Валерий.

— Ну-ка, ну-ка... Интересно! Ведь будут

там спрашивать, почему ушел из райкома. Выгнали? С руководством не сработался?

— Скажу, надоело...

— Ну ты, хлопец, даешь! Умные люди стремятся на такую работу попасть, а ему надоело! Да в райкоме шофером работать считается почетным, а ему надоело!

— У нас в стране все профессии почетны. Не место красит человека, а человек его! — Басырова трудно своротить с намеченного.

— А как же партийная дисциплина? Партия сказала: «Надо!»

— Отпустите! — глянул на него исподлобья Басыров.

Первый секретарь помолчал, постучал пальцами по зеленому сукну, покрывавшему стол.

— Ну, ладно! Знаю, что в газету собрался...

— Нет, на заводе уже договорился, возьмут меня!

— Не перебивай старших! Знаю, что в газету собрался. Но там тебя не возьмут. Ты украинского не знаешь.

— Выучу! — рубанул Валерий.

— Ну, ну... Учи! Если редактор возьмет тебя, иди. Ну, а не возьмет... Обратной дороги нет, учи!

— Спасибо, учту!

«Кто ты?

Смирись! —

прошу иногда я свою строптивость. —

Истина пробьет дорогу

и без твоей помощи.

Пожалей себя».

И не могу —

потеряю уважение к себе.

Прямым ходом Басыров подался в редакцию. Он знал, что его украинский не на должном уровне. Но не знал, что в газету уже был сделан звонок, и редактору сказали: «Не брать!»

В редакции газеты первым вопросом, которым его встретил редактор Пьянников Иван Федорович, было: «Мову знаешь?» Валерий неопределенно пожал плечами. Пьянников дал ему текст коротенькой заметки: «Переводи! Можешь взять словарь». Быв-

ший инструктор райкома комсомола несколько минут пыхтел и потел, стараясь побыстрее перевести. Но время летело неумолимо. Иван Федорович протянул руку, взял листочек у Басырова и, как учитель, стал исправлять ошибки красным карандашом. Закончил.

— Садись за машинку, перепечатай!

Самолюбивый парень передернул плечами, но сел, бойко отстучал по клавишам печатной машинки. Благо, опыт с армии был. Встал, передал отпечатанный текст Пьянникову и направился к двери.

— Ну, я пошел!

Иван Федорович усмехнулся.

— Куда? На завод? Ладно, садись и пиши заявление. Беру тебя корреспондентом на радио.

И, увидев, как радостно сверкнули глаза парня, с нарочитой строгостью добавил:

— Сильно не радуйся, даю тебе месяц испытательного срока. Справишься, будешь работать.

И Басыров справился! Через месяц его перевели на должность литературного работника газеты в отдел писем и массовой работы с рабселькорами. Украинский язык он выучил самостоятельно в предельно короткий срок. И не только потому, что этого требовала должность. Понял он — нельзя не знать язык той земли, откуда твои предки, куда уходит один из твоих корней, язык людей, среди которых ты живешь. Продолжал сочинять стихи. На общественных началах организовал при редакции литературное объединение «Горизонт». Учился вместе с местными самодеятельными поэтами и писателями, готовясь к каждому заседанию литобъединения. И чувствовал, как им всем не хватает профессиональных знаний. Писали по наитию, как душа подсказывала...

Втихомолку ото всех написал в Москву, подал заявление в Литературный институт им. Горького, отправил свои работы на отборочный творческий конкурс. Затаив дыхание, каждый день, возвращаясь с работы, заглядывал в почтовый ящик. И пришел вызов на экзамены! Снова никому ничего не говоря, взял отпуск, съездил в Москву. Сдал экзамены один за другим успеш-

но. Сам себе удивлялся. Но еще больше поразился, когда ему, зачисленному уже в институт, вдруг открылось, что нужны были, оказывается, абитуриентам направления от местных Союзов писателей! А его приняли без этого. Удивил в очередной раз редактор газеты, вынужденного отпустить его на первую в жизни, установочную, сессию в Москву. Учиться пришлось заочно, потому что в июне 1971 года родилась дочь Наира. Жили в доме бабушки Надежды Игнатьевны. Мама с бабушкой выделили молодой семье отдельную комнату. По тем временам не всем выпадало такое счастье! Но студенту Басырову приходилось готовиться к экзаменам ночами ... под столом. Ничего удивительного! Дочки и жене нужен был спокойный сон. Вот и устраивал он себе «шалаш» из круглого стола с длинной, почти до пола, скатертью. Включал в своей «творческой обители» настольную лампу-«грибок» и писал стихи, курсовые работы.

Ему повезло в институте с преподавателями. Сразу попал в творческий семинар, которым руководил поэт Николай Николаевич Сидоренко. Сидоренко не был знаменитым поэтом. О себе и своем творчестве он говорил так: «Я не популярен, но у меня есть свой читатель». В Литературном институте он вел семинары с пятидесятых годов прошлого столетия. У него учился известный поэт Николай Рубцов, которого преподаватель поддерживал, как мог. Валерий Басыров считает Николая Сидоренко прекрасным, самобытным поэтом.

Несколько позже пришлось перевестись в семинар Владимира Дмитриевича Цыбина. Пожалуй, «пришлось» — не то слово. Попечаливилось ему учиться у этого умного, открытого, душевного и справедливого человека. Всего на пятнадцать лет преподаватель был старше своего студента Басырова. Но на его счету к тому времени имелось уже несколько изданных книг талантливых стихов и прозы, отличавшихся красивым, лирическим словом. Немало пришлось повидать и испытать за свою жизнь Владимиру Цыбину. Он родился в 1932 году в Киргизии, в крестьянской семье. В 1958 году окончил Литературный институт им. Горького. В

жизни довелось работать поливальщиком, забойщиком, в геологических партиях. Он повидал многое и многих. Потому в основном поднимал вопросы нравственности в своих произведениях, тему родины и России. И студентам прививал принципы собственного отношения ко всему этому.

Повезло Валерию Басырову и на встречу с замечательным поэтом и переводчиком Львом Озеровым. Лев Адольфович — из плеяды советских поэтов, первых выпускников знаменитого МИФЛИ (Московского Института философии, литературы и истории). Он учился с известными впоследствии поэтами А. Твардовским, Н. Майоровым, П. Коганом, М. Кульчицким, С. Гудзенко, Б. Слуцким, Д. Самойловым, С. Наровчатовым, А. Межировым, переводчицей Лилианной Лунгиной. В 1941 году окончил аспирантуру этого института и защитил диссертацию. Во время Великой Отечественной войны был военным журналистом. Лев Озеров — доктор филологических наук, профессор кафедры художественного перевода Литературного института им. Горького, в котором работал с 1943 года до последних дней своей жизни. Михаил Светлов сказал о нем так: «Поэтический голос Льва Озерова мне всегда нравился. Это был тихий голос хорошего человека». А Яков Хелемский: «Многие поэтические высказывания Озерова вошли в наш речевой обиход, стали общим достоянием, превратились в поговорки». Не все знают, что одно из любимых в народном употреблении выражение «Талантам надо помогать, бездарности пробуются сами» принадлежит Льву Адольфовичу Озерову. Он всю жизнь придерживался этой заповеди, им самим провозглашенной однажды.

Прекрасный поэт, автор многих замечательных переводов с украинского, литовского и еврейского языков, Озеров в 1976 году стал рецензентом дипломной работы Валерия Басырова. Он дал высокую оценку его переводу с новогреческого языка «Персефона» Янниса Рицоса.

Ушли из жизни институтские учителя Валерия Магафуровича Басырова: в 1980 году скончался Николай Николаевич Сидоренко, в 1996 году — Лев Адольфович Озеров, в

2001 году не стало Владимира Дмитриевича Цыбина. Но знания, заповеди, полученные от них, остались в памяти на долгие годы. И все это Валерий Басыров старался передавать тем, с кем в дальнейшем сталкивалася его профессиональная судьба.

В январе 1979 года в Москве было принято решение о строительстве Хмельницкой АЭС. Место расположения станции избрали на границе трех областей центральной части Западной Украины — Хмельницкой, Ровенской и Тернопольской. Городом-спутником стал Нетешин, что в 20 км от Славуты. В 1981 году началось строительство первого блока четырехблочной атомной электростанции мощностью 4000 МВт.

К этому времени Валерий Басыров стал опытным, профессиональным журналистом, имевшим литературное образование, отцом двоих дочерей. Его газетного «крестного отца» Пьянникова Ивана Федоровича давно уже перевели в Хмельницкий руководить отделом в областной газете. На его место назначили бывшего третьего секретаря Славутского райкома партии Валентину Артемовну Деркачук, очень грамотного журналиста, интеллигентную, мягкую и тактичную женщину. Тем, кто знаком с советской партийной системой тех лет, не покажется странным, что такой человек, как она, не мог долго продержаться в аппарате райкома. Еще менее удивительно то, что, уйдя в районную газету, Валентина Артемовна оказалась в подчинении лектора, которым когда-то руководила. Дорвавшись до долгожданного кресла в райкоме, бывший лектор Архипова А. Г., ставшая секретарем по идеологической работе, постаралась как можно лучше вписаться в советский стиль руководства, хотя бы для того, чтобы не повторить «путь» Деркачук. Не раз возвращалась Валентина Артемовна из райкома партии после «проработок» нового руководителя с красными, заплаканными глазами. В редакции жалели ее, но ничем помочь не могли.

Однажды поздно вечером в кабинет к засидевшемуся заведующему промышленно-транспортным отделом «Труженика Полесья» вошла редактор. Положила ему на стол

связку ключей: «Принимайте, Валерий, редакцию». Басыров вскинул брови. «Я больше так не могу!», — впервые Валентина Артемовна не сдержала своих слез. Не дожидаясь ответа коллеги, она ушла из редакции.

Утром Валерий Басыров на работу пришел самым первым. Редактора Деркачук он встретил с ее ключами от редакции и своим заявлением об увольнении. Его вызывали в райком партии, уговаривали оставаться, грозили грядущими неприятностями... Может быть, именно тогда Басыров впервые подумал о том, что он слишком высок, чтобы нагибаться, и потому остался непреклонен в своем решении?

*Не умею
угождать.
Пусть другие
учатся коварству.*

Через положенные две недели трудовая книжка была у него на руках. Он оказался советским безработным. Долго не раздумывал — поехал в Нетешин на строящуюся АЭС. Без лишних слов его приняли слесарем-монтажником третьего разряда в трест «Теплоэнергомонтаж» с зарплатой в три раза выше, чем в газете, но ... тут же забрали в партком Управления строительства Хмельницкой АЭС оформлять протоколы собраний и заседаний. Числился, правда, по-прежнему слесарем с его зарплатой. К тому же неожиданно для него самого ему поступило предложение стать собкором областной молодежной газеты «Корчагинец». Он с удовольствием согласился на это, «хватив» три района Хмельницкой области — рассказывал в газете об их жизни.

Когда масштабы строительства начали интенсивно увеличиваться, партком объединенного строительного комитета, комитет комсомола и Управление строительства Хмельницкой АЭС решили создать свой печатный орган, который бы освещал ход строительства станции. В то время так было принято, став повсеместной нормой. Все крупномасштабные советские стройки, заводы и фабрики обязательно имели собственную газету, на

страницах которой отображались трудовые достижения и жизнь рабочих коллективов, отражались результаты социалистического соревнования, печатались статьи и выступления не только руководителей, но и простых работников, выдавалось очень много различной информации, снабженной фотоиллюстрациями. Вот и поручили Валерию Басырову, опытному газетчику, заниматься подготовкой документов, необходимых для открытия многотиражки. И опять же с зарплатой, намного выше той, что он получал в городской газете. Такой оборот дела очень устраивал Валерия — денег в семье появилось больше, работать стало интереснее. Набирал молодой коллектив в новую газету под себя. И ничего, что дорога из дому до Нетешина была отвратительной — кругом леса, болота, торфяники. Езда по брускатке, разбитой тяжелой техникой, поначалу изматывала. Но человек привыкает ко всему. А умный человек старается все, что есть, использовать во благо себе. Вот и Басыров, преодолевая каждое утро всего лишь каких-то двадцать километров, в автобусе успевал выспаться — так долго ехали. Зато работа доставляла нескажанное удовольствие и удовлетворение.

Первый номер еженедельника «Энергостроитель» под редакцией Валерия Басырова был напечатан тиражом в 2000 экземпляров. 1 декабря 2011 года исполнилось 30 лет с того памятного для Валерия Магафуровича и исторического для Хмельницкой АЭС события.

Время! Я переворачиваю страницы твоей огромной тяжелой книги. Они шелестят по-разному. Одна шепчет что-то, другая криком кричит. Каждая окрашена по-своему. У каждого времени свой цвет, как цвет флага, под которым живет страна, народ, твои герои, Время.

Всем родителям мечтается о том, чтобы их детям жилось лучше. Но почему-то так получается последние два века, что в нашей стране ни одному поколению не удается миновать потрясений. Деды ровесников Валерия Басырова пережили Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Отцы и матери — Великую Отечественную войну.

Наше поколение, как и наши родители, рождались и жили под красным флагом в огромной мощной стране под названием СССР. Кто думал, что нам доведется увидеть ее развал? Мы бывали недовольны тем, что творилось в нашем государстве, мы шептались об этом на кухнях, потом громче говорили со страниц некоторых газет и журналов, кричали с трибун.

Когда на митингах Народ свою выплескивает душу, ему не затыкайте рот — он говорит и хочет слушать.

Ему не затыкайте рот, его послушайте вначале. В Народе говорит Народ, чтоб в кабинетах замолчали.

Лето 1991 года. Мы с мужем в августе едем в Германию к друзьям. Документы на поездку оформляли около восьми месяцев. С огромным трудом, «по блату» взяты билеты из Ростова-на-Дону до Москвы и дальше, до Берлина. Да, время было такое, что не так просто выехать за границу... Но мы, наконец, едем! Двадцать первого августа выезд из Ростова в Москву. Там двадцать второго августа часов пять гуляем по городу и — на Берлин! Утром девятнадцатого мой муж бежит на Дон искупаться. Навстречу — сосед.

— Слыхал, Мишку скинули! — возбужденно кричит он.

— Прораба, что ли? — интересуется муж. Нам газовики как раз тянули газ в это время.

— Ага, прораба! Прораба перестройки! Революция в стране!

Господи, и нам досталось! В Форосе арестован первый президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев. Власть в руках ГКЧП. Ненужели сорвалась наша поездка?! Кто-то нам сочувствует. Мы решаем все-таки ехать. Кто-то нам завидует — если уедут, останутся в Германии. Дураками нужно быть, чтобы вернуться в этот бедlam!

Билеты у нас на поезд Сочи — Москва. Входим в купе. Там четверо парней громко

обсуждают события. Знакомимся. Москви-чи. Троє из другого купе, пришли в гости к нашему попутчику. Загорелые, возбужденные. Ушли в ресторан, чтоб нам не мешать располагаться. Рассовываем вещи. Муж успел проверить, работает ли радио в вагоне. Работает!

В купе входит пожилой человек с несколько необычной даже для нас, южан, внешностью. Черные миндалевидные глаза, тонкий, немного крючковатый нос, седые усы. Вроде, не кавказец, которых у нас хватает. Поздоровавшись, он занял одну из нижних полок.

— Вы до Москвы едете? — уточняет мой муж.

— Да! — Мужчина немного помолчал. — Что только там ожидает, не знаю! И вы до Москвы?

— Мы дальше, в Германию! — вклиниваюсь я.

— Да и я дальше, во Францию. А вы на работу в Германию? — интересуется мужчина.

— Нет, в гости к друзьям. — Поясняем мы.

— А я в гости к брату.

— Так вы француз? — удивляюсь я. Впервые вижу живого француза близко.

— Нет, я иранец, — улыбнулся мужчина.

— Как вы думаете, границы не закроют из-за переворота? Мы уже третий день волнуемся по этому поводу. — Задал наболевший вопрос мой муж.

— Не должны. Мы с братом бежали из Ирана после исламской революции, проскочили. Переворот — это всегда плохо!

Распахнулась дверь, и в купе ввалились парни, вернувшиеся из ресторана с бутылками пива.

— Присоединяйтесь к нашей компании! Обмоем победу ГКЧП! — возбужденно приглашают они нас.

— А что, уже объявили о победе? — простодушно удивляюсь я.

— Нет еще, но все к тому идет! Вы думаете, для чего в Москву ввели войска? — авторитетно пояснил один из парней в красивом спортивном костюме «Адидас». Было

видно, что он заводила в компании. — Мой папа давно говорил, что пора прикрутить хвосты этим демократам! Горбачев их всех распустил со своей перестройкой! Вот и до-перестраивался! Теперь все, аллес!

— Да, теперь этим Собчакам и Станкевичам не поздоровится!

— И Боре ребята из ГКЧП найдут подходящую камеру в Бутырке!

— Его надо сразу в лагеря, в Сибирь!

Я слушала этих мальчишек и думала, что ожидает теперь страну?

— А вы, мальчики, студенты или уже молодые специалисты? — спрашивала их. — Не боитесь за свою дальнейшую судьбу?

— Мы заканчиваем Институт стали и сплавов. Чего нам бояться? Вон у Кирилла, — ответил один, указывая на парня в «Адидасе», — отец в министерстве по нашему профилю работает, на короткой ноге с самым министром. Наши родители тоже нормально устроены. Мы не пропадем!

Надоела болтовня этих папенькиных сыновков! На душе скребут кошки. Забираюсь на верхнюю полку, пытаюсь уснуть.

Наконец, ближе к полуночи, «юные ГКЧПисты» выдохлись и разбрелись по своим купе. Их друг, наш попутчик, уснул крепким, беззаботным юношеским сном. Мой муж и пожилой сосед вышли в корridor вагона, чтобы не мешать мне, думая, что я уснула. Они слушают радио, передающее новости из Белого Дома, где заседает Верховный Совет РСФСР. Каждые пятнадцать минут сообщаются последние известия. Напряжение в Москве нарастает. Народ строит баррикады, обещая, что бронетехника не пройдет! По городу идут танки! Пролилась первая кровь!

— Началось! Что я и говорил! — иранец расстроено махнул рукой и лег спать.

Мне не спится. Муж продолжает слушать сообщения из Москвы. Какой тут сон! Он сам бы с радостью был рядом с теми, кто защищает молодую демократию в Советском Союзе. Мужиков в коридоре много. Все слушают, как и он, радио. Каждый по-своему переживает. Кто-то после выпуска новостей бегает в тамбур курить. Кто-то мрачно потягивает из бутылки пиво. И все ждут вес-

тей, как когда-то советские люди ожидали сводок Совинформбюро. Последнее сообщение: несколько танков перешли на сторону защитников Белого Дома! Десантники батаются с народом! И, наконец, к двум часам ночи звучит долгожданное — армия на стороне народа! Арестовано большинство членов ГКЧП! Пutsch в Москве подавлен!

Утром студенты снова собирались в купе у своего друга. Вид у них был несколько смущенный. Они достали колбасу, сыр, хлеб и пиво.

— Доброе утро, мальчики! Не оправдались ваши прогнозы! — не удержалась я.

— Доброе утро! Да недоумки, против кого поперли? Ельцин прав! Молодец! Сумел сплотить вокруг себя большинство!

— Мой отец всегда говорил, что у Ельцина великолепный организаторский талант! Народ с ним!

Пиво вновь вернуло парням хорошее и воинственное расположение духа.

— Присоединяйтесь к нам! — радушно приглашали они нас к столу. — За свободную Россию!

— За демократию!

— За Ельцина и его сподвижников!

Мы вышли из купе. За окном вагона мелькало Подмосковье. Утро обещало быть солнечным и радостным для тех, кто победил и остался жив.

Москва! Как всегда, суматошно и суетливо на вокзале. Как будто не было этих страшных, напряженных трех дней! Народ уезжает, приезжает, встречает и провожает. До отхода поезда на Берлин целых пять часов.

— Что будем делать? — на всякий случай интересуется мой муж.

Я знаю, его бы воля, он бы уже был возле Белого Дома, в гуще народа и событий. И потому я стараюсь придумать что-то, чтобы не пустить его в толпу, не попасть в какую-нибудь заварушку. Толпа — страшная штука! А нам нужно доехать до Германии, нас там ждут. Я придумываю какую-то надобность в магазине, хотя все, что нужно, у меня есть. Вообще-то я очень люблю Красную площадь, люблю гулять по Кремлю. Но Бог его знает, что там сейчас творится?

А в магазинах четыре часа пролетят мгновенно!

— Пошли на Красную площадь? Или на Лубянку? — предлагает муж. — Да не бойся! На Красной площади все спокойно! События-то в основном разворачивались у Белого Дома. Если увидим толпу, повернем обратно или отойдем в сторону, я тебе обещаю!

И правда, на Красной площади было все спокойно. Народ прохаживался парами, как в былые времена. Только экскурсионных групп не было видно. А возле гостиницы «Москва» бурлил митинг. Народ над головами проносил огромный трехцветный российский флаг. Издалека увидели знакомые лица на трибуне: Ельцин, Хасбулатов, Рудкой, Силаев, Гдлян, Бурбулис. Народ скандировал: «Ельцин! Россия!»

— Ну, вот видишь! Ничего страшного! Пошли на Лубянку!

Лубянка! Звучит зловеще!

— Нет, — на всякий случай упрямлюсь я. — Я по-твоему уже поступила. Теперь выполнни мою просьбу! Мне нужно в магазины. Ты забыл?

— Ладно! Пошли до площади Дзержинского, там попадем к магазинам.

Что это он такой покладистый? Может, просто устал за ночь от переживаний? Поэтому довольствовался одной Красной площадью? В любом случае, хорошо, что уйдем от гущи событий.

Только выйдя на площадь Дзержинского, я вдруг сообразила, какую оплошность совершила. Вот это попалась! Как же я не подумала, забыла, что площадь Дзержинского — это и есть Лубянка?

— Что это они делают? — недоуменно интересуюсь я, не успев сделать выговор за обман.

Вокруг памятника Дзержинскому собралась толпа. Молодые люди, вроде юнцов из нашего купе, только одеты попроще, лезли по Железному Феликсу вверх, пытаясь взобраться ему на голову. В руках у них видна веревка. Подошли поближе. Рядом оказалась какая-то женщина.

— Что здесь происходит? — спрашиваю у нее.

— Феликса сбрасывают! Вы что, не видите? — возбужденно отвечает та.

— Зачем?! — изумляюсь.

— Да вы что, девушка? С Луны свалились? Это же символ старого режима! Надо от всего этого избавляться!

Господи! Варварами были, варварами и останемся... Парни подбираются все ближе к голове скульптуры. Мой муж достает фотоаппарат. Один из парней уже ухватил Дзержинского за чуб. Почему-то показалось, что это меня схватили за волосы. На шею Феликса набросили петлю из веревки. Невольно вспомнилась картина казни Зои Космодемьянской. А Железный Феликс стоял все такой же прямой, непоколебимый, в шинели с развевающимися полами. Все-таки не удалось нам избежать толпы! Она гудит.

— Молодцы, ребята! Валите его! Нечего ждать милости от начальства! — кричит соседка по толпе.

— А при чем здесь начальство? — Не поняла я.

— Они пообещали технику, да вот уже несколько часов ожидаем! — Со знанием дела объяснил кто-то.

— Молодцы, парни! Вали его! Тяните веревку! — кричит экзальтированная дама.

Во мне вдруг вскипела злость. Феликс Дзержинский был для меня рыцарем революции. Я считала его одним из самых порядочных людей того времени. Да, так меня учили! Может быть, я ошибаюсь! Но сводить счеты с мертвым? Интересно, кто-нибудь из этой толпы смог бы подойти к живому Дзержинскому и бросить в лицо свои обвинения тому, кто сумел бы ответить, постоять за себя? Да и памятник рушить — все равно, что сжигать книгу! Ведь это — история! История плохой или хорошей, правильной или ошибочной жизни целого поколения людей!

Все мое раздражение, вся неприязнь к происходящему досталась вопившей соседке.

— Женщина! — слегка отодвинувшись от нее, чтобы лучше видеть, презрительно и возмущенно говорю я. — Вот вы — умный человек?! Что вы кричите? Вы не понимаете, что если им удастся завалить этот памят-

ник, то он будет падать на людей? Да, нас с вами он не достанет! Но не сомневайтесь, толпа хлынет назад с такой скоростью, что вас затопчут, вы и глазом не моргнете! Вы соображаете, что под нами метро? А если от силы удара оно обвалится? Придурки!

Женщина, оглянувшись на меня, сначала не то хотела возразить, не то отмахнуться. Но потом в ее глазах мелькнуло какое-то подобие мысли. Она снова повернулась к памятнику и стала орать:

— Подождите, парни! — будто те, наверху, могли ее услышать.

Настроение мое было испорчено. Еще и муж куда-то подевался! Я беспокоюсь уже не на шутку. Мимо на самой малой скорости едет черный легковой автомобиль. Из его открытого окна в мегафон говорит человек, в котором узнаю Сергея Станкевича.

— Товарищи! Отойдите, пожалуйста, от памятника! Не надо его сбрасывать самостоятельно! Мы вам пообещали сделать это, и мы свое обещание выполним! Не нужно никакой самодеятельности! — голос Станкевича усталый и слегка охрипший. — Под нами метро! Нельзя допустить его обрушения! Нам не нужна трагедия! Сохраняйте трезвый рассудок!

Машин проехала. Откуда-то появился муж.

— Где ты ходишь? Пошли отсюда! — дергаю его за руку.

— Сейчас, сейчас! Еще немного! — он старается запечатлеть все на фотопленку.

Немного поодаль не спеша идет человек с очень знакомым мне лицом.

Он устало объясняет что-то двум мужчинам, буквально наседавшим на него. Невольно слышу их разговор.

— А вы позвоните, Александр Михайлович! Они вас послушают! — говорит один тому, чье лицо мне так знакомо.

«Господи! Да это же Алесь Адамович! Как я сразу-то не узнала его?!» — ахнула я в душе.

— Друзья мои! Я не распоряжаюсь подъемными кранами! Я не могу им приказать! У них есть свое начальство! — тер-

пеливо повторяет Адамович, с интересом оглядывая происходящее.

— Ну, Александр Михайлович! Ну, что вам стоит! Вы только позвоните, и они не смогут вам отказать! — продолжают канючить те двое, а знаменитый писатель и депутат только устало улыбается им в ответ.

— Александр Михайлович! — вынырнувший откуда-то мой муж обратился к Адамовичу. — Разрешите, пожалуйста, я сфотографирую вас со своей женой на память об этих днях!

— Боже! Как тебе не стыдно! — я заливаюсь краской.

Адамович улыбается мне, слегка обнимает за плечи и шепчет тихонько:

— Вы знаете, мне гораздо приятнее с вами сфотографироваться, чем объяснить им, — он кивнул на приотставших, наконец, мужчин, — что я не в состоянии выполнить их просьбу. — Вы москвичи?

— Нет! Мы из Ростова-на-Дону. — Мне по-прежнему неловко.

— Ого! Издалека! Неужели специально приехали?

— Ну что вы! — Я чувствую себя виноватой, что не оправдала предположений писателя. — Мы случайно, проездом. В Германию в гости едем. Через час поезд.

— Значит, вам повезло, что вы стали невольными свидетелями таких событий.

— Да уж! — неопределенно качаю головой я. — Только мне не нравится это. Странные люди! Сначала памятники царям уничтожали, теперь будут памятники нашего времени сбрасывать. Почему бы их не оставить для истории? Ведь само слово «Памятник» идет от корня «память»! Пусть помнится с ними и хорошее, и плохое. А то получается какое-то варварство в цивилизованном мире. И снова будет стыдно перед потомками.

— Ну, что поделаешь? Народные массы требуют! — теперь уже Адамович неопределенно развел руками. Но мне показалось, что он разделяет мое мнение. — Ну, счастливо вам, ребята! Всего хорошего!

Адамович еще раз обнял меня, пожал руку моему мужу.

— Спасибо, Александр Михайлович! И вам успехов!

Нужно было пожелать ему здоровья! В январе 1994 года он неожиданно умер.

Адамович пошел дальше, а мы заспешили на вокзал. Так непривычно, что на центральных улицах Москвы перекрыто автомобильное движение. Люди идут спокойно прямо по широкому проспекту. Вот навстречу нам идет трое мужчин. Один из них — с видеокамерой. А другого, который в центре, я откуда-то знаю. У меня прекрасная память на лица! Но у меня нет знакомых в Москве! А он на нас смотрит, улыбаясь.

— Здравствуйте! — невольно приветствую его.

— Здравствуйте! — отвечает он, продолжая улыбаться.

— Откуда я его знаю? Кто это? — спрашиваю мужа.

И неожиданно сама вспоминаю — да это же Алан Чумак, знаменитый экстрасенс, который заряжает кремы, воду, фотографии! Его сеансы я не раз видела по телевизору. А раньше он был журналистом! Ну и денек! Когда бы я еще встретилась вот так близко с Алексем Адамовичем и с Чумаком?

Снова вокзал, теперь уже Белорусский. Снова перрон. Снова легкий толчок и перестук колес на стыках. Поезд набирает скорость. А за окном к взбудораженной столице Союза Советских Социалистических Республик подступает ночь. Выезжая из Москвы, мы увидели разноцветные сполохи салюта победившей демократии. Такого красивого фейерверка я не видела никогда в своей жизни!

Валерий Басыров переживал путч, находясь в Хмельницком. Первой мыслью было, что уж кого-кого, а их газету ГКЧПисты прикроют первой. Поразился тому, что практически все газетчики города стали на сторону путчистов. Басыров, к тому моменту избранный председателем областного отделения Союза журналистов Украины, обратился к коллегам с призывом защитить демократию. Но поддержки не получил. Более того, в один из этих «горячих» дней ему позвонили и велели явиться в Хмельницкий КГБ. На всякий случай оговорив все рабочие моменты с Алексеем Ти-

мощуком, Валерий Магафурович отправился по вызову. Каково же было его удивление, когда дежурный не нашел его в списках вызываемых. Он понял, что оказался жертвой розыгрыша. Непонятного и глупого, как ему тогда показалось. Лишь спустя совсем немного времени стало ясно, что «шутка» эта была не такой уж невинной. Не успела демократия одержать победу, как самые ярые сторонники ГКЧП вдруг оказались еще более ярыми демократами, громче всех кричащими «ура» ее победе. Вот тогда кое-кто однажды бросил обвинение Валерию Басырову: «А вы-то сами во время путча бегали в КГБ! Зачем? Сдаваться или доносить?» И Басыров понял, откуда был тот телефонный звонок... Но слишком уж писклявым оказался голосок у провокатора, чтобы заглушить мощь басыровского гласа!

Наступило новое время. Рухнул Советский Союз. Рухнул, как памятник Дзержинскому на Лубянской площади. Республики разделились на отдельные самостоятельные государства. У каждого времени свой цвет, свои краски, свои флаги. У России теперь — красный, голубой, белый цвет на флаге. В Украине флаг с желто-голубой полосой. Но народ-то остался прежний! Проблем становится все больше. Еще в конце 1990 уходит со своего поста Иван Васильевич Бухал, возглавлявший Хмельницкий горсовет с 1980 года, поддерживавший Басырова во многих начинаниях. Его место занимает Михаил Константинович Чекман, с которым отношения у редактора городской газеты не складываются. Продержавшись на своей должности до 1992 года, Валерий Басыров в очередной раз подтверждает сказанное однажды: «Не умею угождать. Пусть другие учатся коварству». И в очередной раз лишается работы. Жить трудно, денег семьи не хватает. Издательский бизнес дохода не приносит. Хорошим писателям издаваться не на что, а дерымо он, Басыров, издавать не собирается! Что делать? Как жить?!

*Гонимый праздною толпой,
пытаюсь вырваться из круга,
меня стегает за спиной
дыхание испуга.*

*Над безысходностью смеюсь,
быть может, авантюрная затея:
я выдержу и к финишу прорвусь,
преследуемый собственною тенью.*

1996 год пришел к Валерию Басырову горем. Накануне заболела мама. Так серьезно, что пришлось лечь в больницу ей, которая никогда не позволяла себе унывать и стонать. Тяжелая болезнь самого дорогого человека, борьба за жизнь, неверие в то, что страшное может произойти, надежды на лучшее, тающие с каждым зимним днем. А дни становились все короче и короче...

Басырову идет сорок девятый. У него любимая и любящая жена, две дочери, хорошая квартира, жаловаться грех. Вот только бы мама... Ведь она не так стара, ей всего семьдесят два. Даже бабушка ушла из жизни в свои семьдесят пять. Врачи обещают сделать все возможное. Все возможное... А что может человек? Много ли он может? Вспомнились слова бабушки: «На все воля Божья...» Наверное, тогда, сидя у постели мамы, Валерий впервые серьезно задумался о Боге.

Как быстро пролетели сорок восемь лет! Промчались в буднях, изредка вспыхивая яркими красками праздников. Работал, любил, за что-то против кого-то боролся, чего-то добивался... И было «некогда поднять голову вверх и — Некому». И получается, что бытие растерзано. Чем? Своими поступками? Всегда ли все делал правильно? Старался быть честным. Всю жизнь горой стоял за правду и справедливость. Никогда никого не хотел обидеть. Но всегда ли это получалось? Значит, грешен? «Прегрешения в растерзанном бытие». Зачем все это, если конец неминуем? Что ж, «земным — земное»... А ведь, коль на все воля Божья... Может, и правда, ведет какая-то сила нас по жизни, как поводырь? Просто в спешке, в круговороти событий мы не видим его? «Не зависимую быстро идущему в даль по широкой дороге: он слеп, ибо не видит поводыря». Кто мы в этом мире? Гости или хозяева? Если пришли люди, то «негоже долго задерживаться в гостях», должно быть чувство

меры, хоть очень хочется все успеть и всем насладиться... А какова она, эта мера? Кто знает? «Чувством меры распоряжается не-бытие». Неужели действительно только смерти «дано право все упорядочивать и расставлять на свои места»? Мысли теснились в голове, как больные, вновь и вновь поступающие в кардиологическое отделение Хмельницкой городской больницы. Никогда раньше не приходилось Валерию Басырову видеть столько страдающих людей — тех, кто лежал в палатах хирургии и реанимации, их близких, прибегающих после работы с авоськами, пакетами, в которых самое вкусное, и уходящих либо с надеждой, либо с понурыми лицами. А за оградой больницы мир живет и ликует, у каждого свои тревоги и радости. «Радость бессердечна, заботы печали ее не трогают», а «Непонятая печаль бродит в обносках Радости». Горько думать, что дни самого родного для тебя человека сочтены. Этого не может быть, не должно быть!!! Надо верить в лучшее, ибо «утративших надежду поддерживает дьявол»...

Пожалуй, впервые бывший коммунист Валерий Басыров зашел в храм. Ноги сами привели его туда. Вспомнил, как по настоянию бабушки тайно окрестили его. Хотелось попросить Бога о маме. Наверное, до тех пор ни разу в жизни не смотрел он в глаза Ему так близко. Взглянул на соборные росписи. «Лик Бога настолько прекрасен, что, увидев Его, либо очистишься, либо сгинешь ты, и сгинет род твой», — возникла у него мысль. — «Кто встречался со взглядом Господа и не погиб после этого — его слуга. Его взгляд испепеляет душу, искушенную сатаной и предназначенную преисподней. Его взгляд очищает душу, занесенную сомнениями. От Его пристального взгляда невозможно скрыть ни благовидные мысли, ни честолюбивые поступки. Его взгляд вливает в душу уверенность. Его взглядом полнится Вечность».

Просил ли он у Бога чего-то? Нет, просто думал, перелистывая свою жизнь, как книгу, с первых детских северных воспоминаний.

*Холодное солнце и низкое небо
осели на тонкие ветви берез...
Я помню: буханку промерзшего хлеба
однажды солдат незнакомый принес.*

*Кивнув на прощание мне головою,
он дверь за собою поспешно прикрыл.
Был Север. Маячил мороз за стеновою,
и ветер голодный за окнами выл.*

*На Севере хлеба тогда не хватало.
Казался мне праздником мамин паек.
Но только тех праздников было так мало
в коротком и северном детстве моем!*

Как странно — заглянул в дом человек и устроил незнакомому мальчишке праздник. Может быть, жизнь продлил на несколько лет. А всего-то — нормальный человеческий поступок... «Странники выглядят странными в глазах окружающих, когда проповедуют истины». Заглянул «странный странник», и ушел, ничего не сказав, не назвавшись... Зачем? «Не требуй похвалы за благодеяния — на это рассчитывают низменные чувства скверной души».

И будто голос чей-то услышал: «Горе тяготится не усталостью, а неверием в деяния Всевышнего». Но как можно поверить в то, что уход мамы из жизни — явление нормальное? Не было в жизни отца... Мама была всем! Интересно, почему все-таки отец не вернулся к ним, пообещав уехать ненадолго? Кого Бог наказал этим? Их с матерью или отца? Кто грешен больше? Что по этому поводу думает отцовская вера? Еще в 1990 году Валерий Басыров купил Коран, переведенный на русский язык И. Крачковским. Начал читать его и скоро отложил в сторону — маловразумительным показалось написанное. Как же понять родного отца, которого никогда не видел? А как понять самого себя? «Три поводыря — Отчаяние, Любопытство, Предназначение — ведут по пути познания». Басыров по привычке писателя и журналиста записывал свои мысли на бумаге, пока мама лежала под капельницей или спала. Он ждал, когда она проснеться и можно будет говорить с ней. Считал, что укрепляет в ней уверенность и на-

дежду. А мама утешала его, как могла: просила, чтобы не волновался зря — все у нее хорошо, рассказывала, какие интересные фильмы смотрели днем они с соседками по палате по телевизору. Делилась мыслями, которые приходили к ней, пока его не было... Жалели тайком друг друга: мать — сына, сын — маму. «Не ждите сочувствия. Сочувствуйте сами, и вы познаете себя. Познание себя возносит или губит. Познание себя укрепляет силы сомневающихся».

...Он прибежал в больницу немного позднее обычного, задержавшись из-за работы. Мама не спала, ждала его. Ранние сумерки потихоньку пробирались в палату. Поговорили, как обычно. И вдруг: «Знаешь, Валера, умру я, наверное. Сегодня ее видела...» Сын оштобенел: «Ну, что ты выдумываешь? Кого ты видела?» Валентина Антоновна погладила его по руке: «Не шуми... Смерть видела. Она около меня каким-то черным клубком, колючим, как ежик, каталась. Покрутилась — и к двери». «Ну, вот видишь, к двери ведь покатилась, от тебя ушла, значит!» Мама ничего не ответила, только улыбнулась. А ночью ее срочно перевезли в реанимацию. Басырову позволили быть с ней рядом. «Обреченность сжигает сердце. Опливая, надежда нарушает его ритм...» Валерий сидел в палате реанимации у постели мамы, держал ее за руку, периодически хватая авторучку, чтобы записать новые мысли, теснившиеся в его раскальзывающейся от боли и отчаяния голове. Ему казалось, что пока он пишет, мама не умрет, она будет жить! Главное — не поставить точку! «Опливая, надежда нарушает его ритм, и тогда, отяжелев, оно останавливается». Нет, он не теряет надежды, сердце его мамы не должно остановиться! Он будет писать, писать... А сердце мамы будет стучать в такт его мыслям. Оно остановится, если он поставит точку. А он ее не ставит, нет! А если вдруг?.. Говорят, человек не исчезает в никуда. Умирает лишь оболочка. Остается его дух. И «Воскресение духа происходит незаметно, как дыхание утренней ранней росы». Вспомнилась фотография 1953 года — летний лес, он с мамой. Ему 6 лет, маме 29. Он с игрушечной гармошкой

в руках. В выражении его лица ожидание чуда. Тепло и солнечно!

«День, растлевая утро, совсем не задумывается о последствиях и тем самым приближает свой закат», «Ночь, совершая таинство перерождения, претендует на вечность». Он писал, следя за тем, чтобы не поставить точку. «Только на последней черте Он покажет тебе твоё будущее, к которому ты стремился...» Мама начала задыхаться. Валерий, никогда до этого не видевший смерти, на мгновение растерялся, рука нервно дернулась и неожиданно поставила точку в написанном предложении. Он подскочил, выбежал из палаты, чтобы позвать врачей... Ночь кончилась, зарождался новый день. Но за окнами темень. Потому что зима, январь и раннее утро... Через час Басыров вышел из больницы. Ноги не хотели нести его туда, где... Он присел на холодную скамейку, досстал свой блокнот. Бумага и ручка были теплыми, как будто согретыми последним маминым вздохом. «18 января 1996 года в 7-18 на моих руках умерла мама, не успев сказать, что ожидает меня...» — записал он. Забрезжил рассвет. По улицам спешил народ, каждый по своим делам. А Басыров писал: «Мама навсегда оставила меня. И се-ре-ое утро мне показалось вечером. Впереди ничего уже нет. Единственное, чего не лишены еще грешники, — раскаяния. Прости меня, мама, прости... Земным земное, вечность — для тебя».

Он не помнил, как добрался на улицу Железняка, к дому, где жил, как в горячечном бреду отдавал распоряжения по подготовке похорон. Привезли маму. Мать и сын лежали в соседних комнатах: она — в большой, где все уже взяла на себя Виктория, и он — в спальне, с температурой выше сорока. Казалось, жизнь не может продолжаться без того, кто был дороже всех на свете. Как можно есть, пить, дышать, когда ее скоро унесут насовсем? Ведь они так редко расставались! А если такое случалось, то оба знали, что встреча неминуема. А теперь? Мама! Мама! Как можно жить дальше, не чувствуя твоей руки, не видя твоих смеющихся глаз? Кто пожурит меня, кто простит, как всегда? Кто скажет, что я самый

умный и самый лучший, а я на это буду лишь улыбаться? Я больше никогда не смогу ничему радоваться без тебя... не уходи! Не уносите ее! Он бредил. Близкие переживали за него. Наконец, наступил момент, когда в комнату вошла Виктория. «Пора! Я знаю, ты сильный! Ты сможешь все пережить! У тебя есть мы! Мы рядом с тобой!»

Все кончено... Дома он снова потянулся к своему блокноту, который дышал еще временем мамы, ее теплом. «... умерла мама, не успев сказать, что ожидает меня...» Почему-то захотелось переписать все в отдельную тетрадку, какой пользовались школьники. Лист в клетку... Он стал писать своим мелким почерком, нумеруя строки собственных мыслей, похожих на притчи, с остервенением ставя точки. Написанное получилось в стиле Корана. «Прости меня, мама, прости! Тебе было так тяжело порой! Без мужа, всю жизнь одна... Почему?

*Впереди ничего уже нет.
Единственное,
чего
еще не лишены грешники, —
раскаяния.*

*Прости меня, мама...
Прости...
Земным земное,
вечность — для тебя.*

Да, земным — земное! Раскаяние... Нужно найти отца! Где он? Жив ли? Должно же быть какое-то объяснение! Грешники...»

Басыров все чаще обращается к Корану. Ему кажется, что эта священная книга мусульман поможет ему понять отца, даст толчок к тому прощению, которое так необходимо человеческой душе. Он снова и снова читает его в русском переводе. Пытается осмысливать прочитанное по-своему, делая пометки на полях, переписывая многое в блокнот. Его мелкий, с завитушками почерк, напоминающий арабскую вязь, и в русском написании оставляет суры и аяты с налетом духа его предков. Я знаю человека, который никогда не видел своего деда. Но однажды, сличив собственный почерк с его,

обнаружил почти полнейшее сходство. Родовая память! Думаю, в почерке Валерия Басырова не один его близкий по линии отца. Вдруг захотелось выучить язык своих предков. Всю жизнь считал, что отец виноват перед ним и мамой. Но вот сам он прожил уже почти полвека. Старался жить честно, отдавать себя людям полностью и бескорыстно. Пожалуй, ему не в чем себя упрекнуть, как христианину, как гражданину Украины. Родился далеко от родины своих предков, на Урале. Попав в Украину, памятуя, чей хлеб ел, выучил украинский, чтобы говорить со своими земляками на их родном языке.

А вот перед прпрадедами по линии Басыровых, похоже, в долг! В последние годы он довольно серьезно интересовался историей татар, читал много произведений классиков татарской литературы, занимался переводами. И вдруг, как воля сверху — объедини своих предков, соедини мать с отцом! Пусть с опозданием в несколько десятков лет, но сделать это нужно! И он, всю жизнь что-то придумывавший, решил священное писание, по которому жил его отец, перевести на украинский язык, на котором разговаривала мама. Но разве можно делать перевод Корана, ниспосланного Аллахом? Ведь это не роман, не поэма... Это — Святая Книга мусульман. Само слово «коран» идет от арабского «куран», что означает чтение. Но всю свою жизнь, с чем бы ни сталкивался Басыров, он старался осмысливать это. Вот и над Кораном, читая, много думал. И мыслил на украинском языке. Непросто было многое, потому что знал мало. Ему всегда казалось, что он знает мало, мало! И он старался по возможности черпать знания пригоршнями. Взявши за что-то, ему необходимо было довести начатое до конца, изучив его досконально!

И вдруг — случай! Впрочем, так ли уж случайны в нашей жизни всякие случайности? В том горьком 1996 году в Киеве, на съезде писателей к нему подошли Нуэт Умеров, Uriе Эдемова и Шакир Селимов, крымские литераторы. Разговорились о проблемах издательского дела. И вдруг, неожиданно, Нуэт Умеров, главный редактор симфе-

ропольской газеты «Янъы дюнъя» («Новый мир») проговорил: «А ведь ты татарин...» Не спросил, сказал утвердительно, без тени сомнения.

— Татарин! — улыбнулся Басыров.

Было приятно, что вот так сходу его приняли за своего. Почему-то мелькнули воспоминания, как получал впервые паспорт, «серпастый, молоткастый». Умный и добрый его классный руководитель настоятельно советовала ему сменить отчество — стать «Михайловичем», а не «Магафуровичем», не записывать в графу «национальность» татарин. Он не понял тогда ее тяжкого вздоха, не знал, что она, Ида Ильинична Зац, по паспорту русская. Проще и спокойнее тогда было так жить — время такое сложное было. Но Валерий, раздув крылья носа, как норовистый конь ноздри, гордо вздернулся и отказался...

— А коль татарин, так переезжай к нам, татарам, в Крым! — продолжил Умеров. — Нам нужны умные и дальние люди!

— Работы у нас невпроворот! — подхватили его коллеги. — Столько нужно издать татарской классики! Да и современникам не плохо бы помочь! Переезжайте!

— Подумаю! Посоветуюсь с женой! — ответил Басыров.

А самого пронзила мысль: «Вот он, шанс! Отдам сразу все долги! И татарам, и украинцам... Виктория поймет, согласится! Она всегда на моей стороне, мой человек!»

Но ведь скоро пятьдесят! И в этом возрасте начинать все с нуля?! Сколько проблем сразу появляется! Один жилищный вопрос чего стоит! Только ненормальный или отчаянный смельчак, фаталист может внезапно сорвать семью с насиженного места: отличная квартира, хорошая работа у жены, развивается собственный бизнес, выросшие дочери рядом, внук, немолодая теща, которая уже нуждается в постоянной помощи и заботе. Ехать на «пустое» место, бросив все привычное и родное? Ради чего? Но Басыров как раз из «ненормальных» — всю жизнь нарушал нормы обычного обывателя, из фаталистов и смельчаков. Ему не привыкать одним махом руки кардинально менять собственную жизнь. К тому же, рядом

хрупкое, но надежное плечо жены, ее чуткое, любящее сердце, рассудительный ум. Басыровы принимают решение: «Рискнем еще раз! Едем!»

Пока муж колесит по улицам Симферополя в поисках будущего жилья, Виктория дает объявление о продаже квартиры в Хмельницком. Все нравится Валерию в столице Крыма. Вот только подходящего дома нет, такого, какой нужен ему. Ни с чем он возвращается в Хмельницкий. А Нуэт Умеров продолжает искать Басыровым жилье. Вскоре он звонит в Хмельницкий: «Приезжай. Я нашел для тебя дом на улице Виноградной». Улица Виноградная. Хорошо звучит, красиво! И, удивительное дело, именно там оказывается то, что надо — два в одном! Его хваткий ум мгновенно прикидывает, что во дворе, над гаражом можно достроить второй этаж — получится офис издательства. Продажная цена? Созванивается с женой. Да, их квартира стоит дешевле!

— Вика! Продавай мебель! Купим новую потом! — командует он.

Возвращается в Хмельницкий, договорившись о покупке дома. Мебель продана. А квартира не продается. Они с женой спят на полу. Рядом верный друг, пес Самир — большой черный ризеншнауцер. Кудлатый стал, зарос, но не до тримминга сейчас, не до выставок. Будешь уж на новом месте себя показывать, в Крыму, в следующем сезоне, брат! А из Симферополя звонят, торопят. Мебельные деньги съедены. Квартира не продается! Жена нервничает, но вида не подает... Наконец, все утряслось: квартира продана, но дешевле, чем предполагалось, денег не хватает. Басыров, пожалуй, впервые в своей жизни берет приличную сумму в долг у знакомых.

Выехали налегке, без домашнего скарба. Лишь компьютер, необходимый для работы, да книги! На новом месте нравится всем — и жене, и псу. Вот только денег практически нет. Валерий устраивается в редакцию газеты «Янъы дюнъя» («Новый мир»), куда его приглашает Нуэт Умеров. До первой зарплаты полмесяца. Гордость не позволяет Басырову сказать своим новым коллегам о бедственном материальном положении, «пере-

хватить» до аванса не у кого. Две недели без преувеличения жили на хлебе с водой. Глава семьи вечером приносил буханку хлеба, который честно делили на троих. Самир не мог взять в толк, почему изменился обычный рацион питания. Но хозяин говорил: «Вот Виктории, вот тебе и мне. Потерпи! Будем живы, не помрем!» Перетерпели, пережили... Появился первый заказ на книгу. Басыров общий человек, окружающие к нему тянутся моментально. И уже многие, увидев его подход к работе, хотели бы напечатать свою книгу в издательстве «ДОЛЯ». Быт налаживался, работа радowała, Крым восхищал собой. Шло время. Басыров не терял его зря. Он много работал. В любую мало-мальски свободную минуту изучал ислам, историю Пророка. Старался делать это тщательно и всесторонне, накапливая знания, пропуская их не только через свой ум и богатое воображение. Сердцем вникал в то, что касалось его предков.

И все чаще ныла душа по отцу, почти как в детстве. К любопытству примешивалось чувство прощения, желание забыть все плохое и обидное, что было связано с отсутствием отца в его жизни. Он решил отыскать своих родственников по линии Басыровых. Начал, разумеется, с Басырова Магафура Сабировича. Писал в паспортные столы и военкоматы различных городов, где, по его мнению, мог жить отец. Искал в сети Интернета тех, кто хоть как-то связан с его фамилией. Утешительных сведений было мало.

И снова случай! Неожиданно помогли коллеги-журналисты. По Интернету пришло сообщение из башкирского города Нефтекамска от редактора местной газеты «Красное знамя». Авхадиева Гульназ Тимербаевна — замечательный, отзывчивый человек. Еще один «странный странник» в жизни Валерия Басырова, проповедующий истину. Она дала адрес, выражая свою надежду, что именно его сестра проживает по нему. Валерий с волнением ожидал ответа на свое письмо, отправленное в Нефтекамск. Ждать пришлось долго. Но вот однажды Басыров доспал из почтового ящика конверт. Привыкнув к связи в сети Интернета, даже странно

как-то было держать в руках его. Надписан незнакомым почерком, из Оренбуржья. Никогда никого у него не было в этих местах! Захиде Мерсаметдинова... Кто это? Начал читать и запрыгали буквы в глазах, занервничал. «Здравствуй, мой незнакомый брат! Редакция газеты «Красное знамя», что в Нефтекамске, дала тебе адрес моей дочери. Твое письмо попало к ней. А она уже переслала его мне...» И дальше главное — отец! «Наш отец, Магафур Сабирович Басыров...» Все, опоздал! Отец умер через год после мамы, когда Валерий перевозил свою семью в Крым в 1997 году. Умер после тяжелой и долгой болезни. В каком-нибудь сентиментальном рассказике или сказке можно прочитать строки: «Со смертью любимой свет померк в его глазах». Никто не знает, почувствовал ли смерть некогда любимой им женщины Магафур Сабирович Басыров. Но именно после ее смерти он потерял зрение. Год жил ослепшим, в кромешной тьме. Такое вот роковое совпадение! Из письма неожиданно обретенной старшой сестры Валерий буквально увидел историю своего отца. Первая семья у Магафура Басырова появилась за несколько лет до войны. На фронт ушел, оставив жену с четырьмя маленьими детьми. Много судеб и жизней переломала, искалечила та долгая и страшная война, даже тем, кому посчастливилось не погибнуть в этой кровавой мясорубке. Встретив на своем жизненном пути Валентину Свишевскую, готовую идти за ним хоть на край света, родив сына, Магафур Басыров решил рассказать обо всем отцу. Написал честное, откровенное письмо домой. Просил разрешения привезти свою новую семью к родителям. Неизвестно детям, сам сказал об этом первой жене, или она узнала случайно. Но только гордая татарская женщина собрала четверых детей и уехала в Киргизию.

Отец вызвал Магафура к себе, велев пока не привозить с собой Валентину и Валерия. А встретившись с сыном, категорически запретил ему и думать о разводе и новой семье. У него, имама и преподавателя медресе, не укладывалось в голове, как можно так опозорить семью — бросить жену-мусульманку с четырьмя детьми ради какой-то славянки

с чужой верой? Хорошо, что там родился сын, хорошо, что дал ему свою фамилию... Это честно. Но надо вернуться к четверым своим детям, растиль и учить их. Это очень важно! Он, Сабир Басыров — человек грамотный, получивший хорошее образование еще до революции.

Может, и жалел дед своего маленького незнакомого внука, в котором текла их, басыровская, кровь. Может, в глубине души и радовался, что фамилия, род Басыровых будет продолжен еще и тем, кого называли русским именем Валерий. Но сына отправил в Кзыл-Кия, в Киргизию, к жене и детям. Одного легче поднимать, нежели четверых... Та, славянка, сумеет вырастить своего сына, он понял это, послушав о ней рассказы Магафура. Бог ей поможет. Да и он, Басыр-ага, попросит Аллаха за незнакомого ему внука, в котором течет и татарская кровь.

Наверное, мучила совесть старого Сабира за того голубоглазого, незнакомого, но родного мальчишку, о котором и думать начали не хотелось. Ведь, говорят, к старости память жжет сердце, воспоминания терзают душу. А дед Валерия Басырова жил долго, до девяноста трех лет...

В Киргизии Магафур Сабирович долго искал себе работу. Мужчины того поколения, вернувшись с войны, зачастую мало что умели делать. Так и бывший офицер Советской армии Магафур Басыров не сразу нашел себя в мирной жизни. Но, думаю, не случайно он стал геологом. Может, какое-то время ему хотелось убежать от самого себя, чтоб не терзала память о тех, кого оставил на Севере... До 1954 года работал в геологоразведочных партиях на Тянь-Шане. Семья всегда следовала за ним. Взрослели дети, уезжали из дома, как выросшие птенцы вылетают рано или поздно из гнезда. Вот и Захиде уехала в Нефтекамск на молодежно-комсомольскую стройку, вышла замуж, позвала к себе родителей. В Нефтекамске Магафур Сабирович до самой пенсии работал строителем.

Из легенды отец превратился в живого человека со своими слабостями, с особенностями, отличавшими его от других. В со-

тый раз, наверное, всматривался Валерий в лицо того, которого любил, которого порой в детстве ненавидел, считая трусом за то, что он бросил их с матерью, ничего не объяснив. А у «труса» на фото Орден Красной Звезды... Этот большой портрет человека в офицерской форме мама хранила всю жизнь. Много позже Валерий Басыров найдет сведения о своем отце на сайте podvignaroda.mail.ru: «Участвуя в прорыве обороны противника на западном берегу реки Миус западнее населенного пункта Дмитриевка 17 июля 1943 года Гвардии старший сержант Басыров М. С. в трудную минуту для батальона ходил вместе с ротой в атаку, где уничтожил 5 немцев.

18 июля 1943 года в бою в глубине обороны противника, а также при отражении контратак немцев, Гвардии старшина Басыров М. С. заменил раненого наводчика миномета и огнем из орудия уничтожил один блиндаж противника и разбил два ДЗОТа», за что был награжден орденом Красной Звезды (приказ по 40 гвардейской кр. стрелковой дивизии Южного фронта №018/н от 26 июля 1943 года.) До того, Басыров М. С., призванный в Красную Армию в 1941 году, награжден медалью «За отвагу».

И вот он умер... Умер через год после того, как ушла из жизни его вторая жена, счастье с которой было таким недолгим. Да, счастье для многих бывает коротким, Богом дарованным лишь на мгновенье... Как будто всю свою жизнь Валентина на расстоянии держала здоровье любимого в своих руках. А выпустила, уйдя из жизни, и он враз обес силел, ушел вскоре вслед за ней. А Валерий оказался круглым сиротой на Земле. Но сколько же родственников у него появилось в одночасье! Только у Захиде — шестеро детей, двенадцать внуков и одна правнучка!

Узнав о смерти отца, Валерий Басыров с еще большей жадностью впитывает в себя смыслы Корана, пишет их на украинском языке — для мамы, усмехался в душе он. «Вони намагаються ощукати Аллаха і вірюючих, але обманюють лише самих себе і не усвідомлюють цього» («Они пытаются привести Аллаха и верующих, но обманывают лишь себя самих и не понимают этого»), за

писал Басыров в тетрадке свое разумение девятого аята Суры Аль-Бакара, что для него означало — себя и Бога не обманешь! Ему все чаще стало казаться, что читая священное писание мусульман, он начинает лучше понимать не только своих деда и отца, но и себя самого, собственное предназначение в этом мире. Несомненно, волею Все вышнего, волею самой судьбы, которая посвятила Валерия Басырова в сан Пишувшего в раннем детстве, именно он должен был заняться делом, ставшим главным в его жизни. Он, в котором соединились мусульманство и христианство.

Басыров не заметил тех десяти лет, которые отданы работе над осмысливанием Корана. Много не говорил, не распространялся о том, чем занимается. Потому что это было сокровенным. Потому что к вдохновению пишущего всегда нужно относиться бережно и осторожно, чтоб не спугнуть мысль и чувство, не расплескать их раньше времени, как драгоценную воду в период засухи. Кроме голоса крови, в нем заговорил Гражданин. Валерий Басыров понял, что мусульмане Украины, все, кто проявляет интерес к этой древней, но донельзя современной религии, должны иметь возможность ознакомиться со святым писанием на государственном языке своей страны. Ведь в Европе с Кораном, произнесенным Мухаммадом в форме «пророческих откровений» в Мекке и Медине между 610 и 632 годами, которые положили начало религиозному учению ислама, впервые ознакомились по латинским обработкам XII-XVI веков. В 1647 году вышел французский перевод Корана А. Дю Рие. В России первый русский перевод был сделан с французского языка П. Посниковым в 1716 году. Первые попытки перевода Корана на украинский язык были у известного украинского востоковеда, ученого Агатангела Крымского в 1905 году — «Суры старейшего периода». Валерий Басыров сделал не просто полный перевод Корана на украинский язык. Он его осмыслил, передав хорошим профессиональным языком опытного писателя, который пропускал текст священного писания сначала через собственное сердце. Ум, знания сказывались потом. Навер-

ное, Всевышний водил его рукой еще тогда, когда Басыров записывал у постели умирающей матери свои притчи. Всевышний направил его на работу над Кораном в украинском языке. Всевышний позволил ему издавать эту книгу, не обращаясь ни к кому за материальной поддержкой. И пусть порой это делалось в ущерб иным своим литературным произведениям, пусть в семье чего-то иногда не хватало из-за того, что нужны были деньги на издание очередного тиража Корана. Главное, что книга эта была востребована людьми!

Когда десятилетний титанический труд над осмыслением Корана на украинском языке был завершен и об этом стало известно в широких общественных и религиозных кругах, началось много дебатов: а имел ли право Басыров заниматься этим? Можно ли было начинать это без благословения муфтиата? Но светское культурное общество оказалось единодушным — нужно было неизменно! Да и муфтият в конечном итоге благосклонно отнесся к результату работы и к ее насущности, взявши окончательной помощь в окончательной доработке текста, сознавая необходимость широкого распространения правильного, осмысленного содержания Корана на государственном языке страны, продиктованную самим временем. Ведь еще великий Пушкин надеялся на то, что открыв «сияющий Коран, да притечем и мы ко свету, и да спадет с очей туман»...

Когда я впервые увидела Валерия Басырова на открытии фестиваля «Славянские традиции-2009», я подумала, что это фотограф, которого организаторы пригласили поработать... Две фотокамеры висели у него на плече. Как заправский фотокорреспондент он снимал поэтов и прозаиков, читающих свои произведения со сцены Щелкинского ДК «Арабат». С аппаратами он не расставался, кажется, ни на минуту — «работал» фотографом и на литературных встречах во время фестивальных поездок по городам Крыма, и на море, когда выпадали часы отдыха, и мы плескались в водах ласкового Азова.

Несколько месяцев спустя я наткнулась

на работы фотографа Валерия Басырова на одном из фотосайтов в интернете. С любопытством разглядывала я его снимки, читала комментарии под ними. В одном из своих отзывов начинающему фотографу Басыров-критик отметил: «Красота не имеет ничего общего с красотостью». Пожалуй, слова эти говорил не столько фотограф Басыров, сколько умудренный жизненным опытом человек и писатель.

Фотографировать Валере Басырову хотелось с самого раннего детства. Нет, не красоты окружающей его жизни намеревался он снимать тогда. В том возрасте еще живут в мире, который обычно не замечают. Ему просто-напросто хотелось подольше быть среди тех, кого он видел на экране кинотеатра. Обидно было, что вспыхивающий свет в кинозале в один миг разрушает интереснейшую жизнь, прерывает общение со смелыми, добрыми, благородными и красивыми людьми. Жаль было мальчишке расставаться с теми, кем восхитился, кого успел полюбить за полтора-два киношных часа. И тогда он, фантазер, решил создать свой мир, в котором его новые друзья будут рядом с ним всегда. Для этого нужен был фотоаппарат, чтобы во время сеанса делать снимки любимых киногероев. Но где же его взять? Ведь он стоил таких денег, которых и в руках-то никогда не бывало! Не клянчить же у мамы с бабушкой! И вот чудо! Взрослые решают сделать ему подарок к приближающемуся дню рождения 11 сентября — купить настоящие мужские брюки в магазине. Чтобы в школе первого сентября их Валера наконец-то выглядел не хуже других мальчиков из более обеспеченных семей. Но сын и внук несколько дней просил, убеждал, умолял вместо брюк подарить ему «Смену-8», фотоаппарат, о котором давно мечтал. Клялся, что готов еще не один годходить в тех штанах, которые ему много лет подряд шьет бабушка, перелицовывая старенькие юбки и пальтишки. Их ей порой отдавали те, у кого она по-прежнему иногда подрабатывала мытьем полов. И старшие отступили перед его напором. В день рождения Валера держал в руках свой первый фотоаппарат!

XX век был не просто веком кино. Это был век кинотеатра. Далеко не каждый провинциальный город имел театр. Далеко не каждая советская семья в начале 60-х имела телевизор. Да и тех, у кого он был в квартире, зачастую тянуло «в кино», где можно было встретиться с друзьями и знакомыми, первым увидеть новый фильм. Кинотеатры тех лет были центром культуры для таких городков, как Славута, где жил мальчик Валера Басыров. Дополнительно они в какой-то степени выполняли функцию и театра, и кафе, и лекционного зала — перед началом фильма в фойе можно было полакомиться мороженым, выпить лимонаду с пирожными, слушая выступления певцов в сопровождении оркестра или рассказ докладчика от общества «Знание». Темы лекций местных партийных работников и учителей были различными — от краткого обзора международных событий до краткого обзора новинок советской и мировой культуры. Разумеется, народ тянулся в кинотеатр. И Валерию приходилось бегать в кассу за билетом задолго до начала сеанса, чтобы иметь возможность сидеть в первом ряду зрительного зала. Конечно, человеку с нормальным зрением и ростом не слишком большое удовольствие смотреть фильм, находясь всего в нескольких метрах от экрана. Зато ни одна голова не мешает снимать! И Валера снимал! Сколько кинокартин просмотрено через объектив «Смены-8»! Порой приходилось ходить на один и тот же фильм не один раз — не все получалось хорошо с первой попытки... Зато потом начиналось «чудодействие» — по специальному «рецепту» готовился проявитель из химикатов, приобретенных в аптеке, обрабатывалась пленка, сушилась... а потом на слайдах возрождались герои любимых фильмов «Три мушкетера», «Мичман Панин», «Великолепная семерка». Валера придумывал новые сюжеты для своих друзей, продолжая их жизнь.

Шли годы. Работа, заботы о семье, жизненные перипетии... Как-то было не до фото. Но вот в 2006 году руки Валерия Басырова вновь потянулись к фотоаппарату, захотелось уже запечатлеть тот мир, который рядом. Появились иные возможности, новая

цифровая фототехника. Сначала он приобрел Olympus C7070WZ. Затем появился Canon PowerShot S5 IS. Потом подарил жене Canon Powershot SX200 IS. У этого аппарата есть функции кинокамеры. Он удобен для пользования в виде «записной фотокнижки». Поэтому, отправляясь в рабочие поездки, Валерий Магафурович иногда выпрашивает у Виктории Северьяновны камеру «в аренду». И получаются весьма неплохие снимки, сделанные этими портативными не очень дорогими фотокамерами. Ну, а «конкурсные» работы в основном сняты фотоаппаратами Canon 450D и Canon 50D. Хотя, один из первых снимков, сделанных недорогим цифровиком еще в 2006 году («Ай-Петри. Пора домой»), совсем недавно стал победителем конкурса, проводимого сайтом и журналом «Photographer». Вообще, в этом красивом и престижном в фотографических кругах журнале в 2011 году редакцией размещено 4 фотоработы Валерия Басырова. Несмотря на то, что не так давно он занялся фотографией, на счету фотохудожника Басырова уже три персональных выставки, посетители которых порой уносят с собой некоторые работы, покупая их. Я побывала на одной из выставок и убедилась в том, что есть огромная разница между тем снимком, который видишь на мониторе компьютера и тем, который висит на стене в рамке, под стеклом. Тот, который смотрит на тебя со стены — живой, ты словно дышишь вместе с его «героями» тем же воздухом, ароматом цветов и трав.

Фотографией, как и всем остальным, за что бы ни брался, Басыров увлекся очень серьезно. Иногда мне кажется, что своим достижениям на этом поприще он радуется больше, чем литературным. Впрочем, здесь ничего удивительного нет. Ведь и к фотографиям он подходит с позиций не только фотохудожника, но и профессионального писателя. В фотографии, как и во многом другом, Валерий Басыров многогранен. Ему нравится снимать пейзажи, у него довольно солидная галерея «Мои современники», в которой портреты поэтов Евгения Евтушенко¹, Владимира Кострова, Евгения Рейна, писателя Юрия Полякова, украинских по-

этов Юрия Каплана и Александра Коржа, творческих деятелей Крыма, ветеранов войны и жизни, простых людей с красивыми, одухотворенными лицами.

Но однажды увидев через объектив то, что невозможно углядеть невооруженным глазом, Валерий Басыров «заболел» макрофотографией. Правда, и к этому разделу фотографии у него собственный, писательский, подход. Большая часть фотографов и зрителей, любителей фотографии, под «макро» представляет себе снимки красивых капель воды, различных насекомых в полном или даже увеличенном размере. Басыров же в своих работах прежде всего старается создать сюжет. Точнее, сюжеты ему предлагают сами «герои» его будущих фотопроизведений. Фотографу же остается только ловить их, подсматривая, и снимать, снимать, снимать... И ерунда, что порой приходится ползать на четвереньках на глазах у всего честного народа или плюхаться в тающий снежок, лужу, чтобы вылежать там до тех пор, пока «модели» не расщедрятся на сцену из своей жизни, на сюжет для небольшого рассказа. А вот потом начинается настоящий труд писателя и даже исследователя. Валерий Магафурович разыскивает в справочниках, выспрашивает у знающих людей (от городского рынка до Таврического Нацио-

нального Университета им. В. И. Вернадского и Крымской Академии наук) названия снятых им цветов, насекомых и старается описать своих «героев» с энциклопедической точностью. Так у него зародилась мечта создать собственный Фотоальбом с названием «Мир, который мы не замечаем». А для Басырова задумать — значит, сделать! Ведь слов на ветер он не бросает. С этим я столкнулась еще на первом своем фестивале в Крыму.

Кстати, о фестивале. О нем, я думаю, следует рассказать поподробнее. Ведь даже в этой книге я не раз упоминала его. Любой слет творческих людей — это событие. Но международный фестиваль литературы и культуры «Славянские традиции» интересен по многим причинам. Он молод. Молод годом рождения (2009 г.) и духом его участников. Он солиден. Солидность эта в его географической масштабности, авторитетности членов жюри конкурса и количестве участников. У него большое будущее. Потому что он доказал уже, что открывает таланты даже в самых дальних уголках Земного шара. И еще потому, что организацией его занимаются ответственные, преданные литературе и искусству люди — подвижники и меценаты. Ну, а место его проведения — Казантип — по-своему уникально.

ФОТОВЫСТАВКА ЖУРНАЛА

Морж.
(Фото В. Басырова,
2009 год)

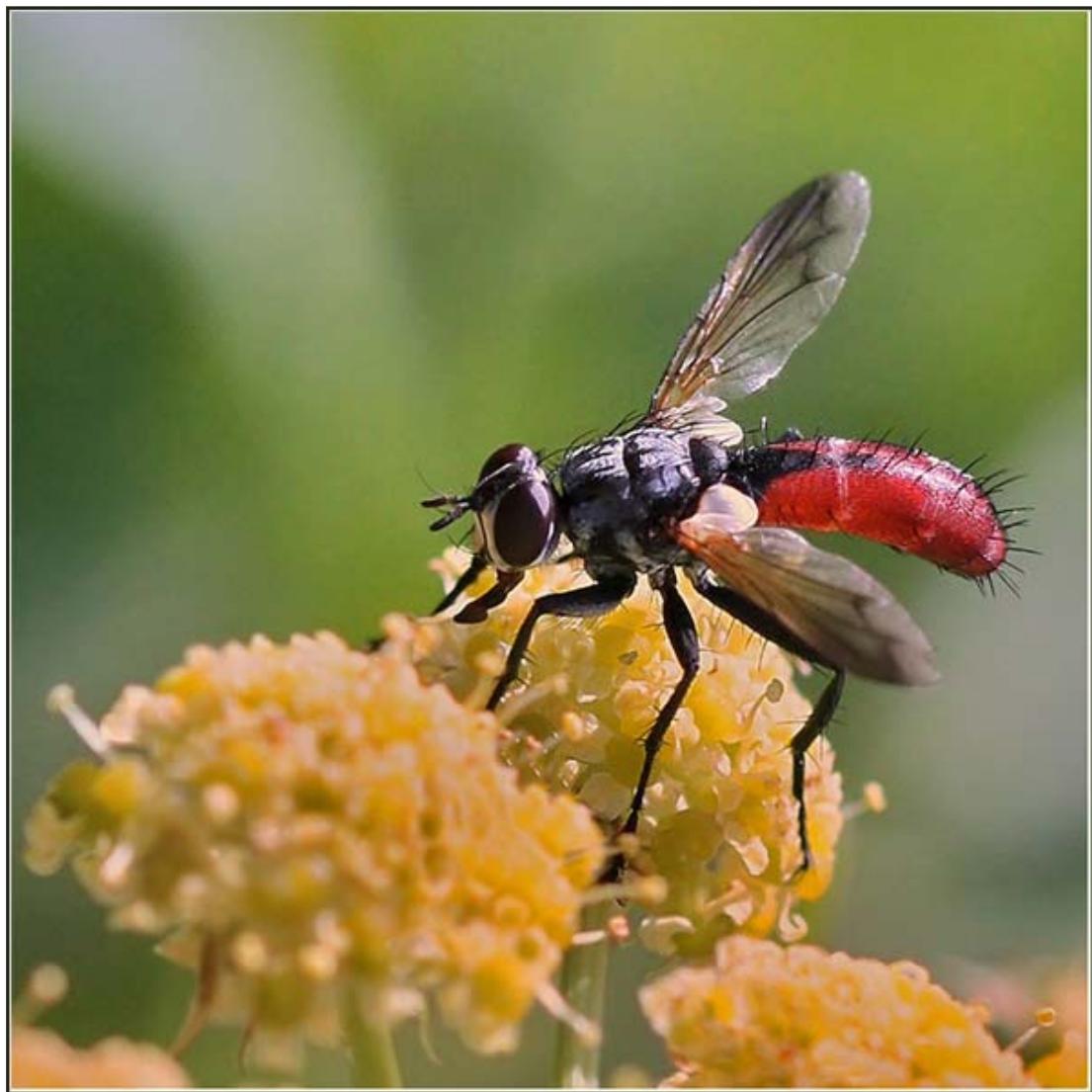
Бражник.
(Фото В. Басырова,
2009 год)

Гульчатай,
открой лицико!
(Фото В. Басырова,
2009 год)

Впередсмотрящий.
(Фото В. Басырова,
2009 год)

Небритый. (Фото В. Басырова, 2009 год)

Вид с горы Акъ-Къая. (Фото В. Басырова, 2008 год)

Фотоработы Валерия Басырова экспонировались на трех персональных выставках: «Мир, который мы не замечаем» и «Мир вокруг нас».

Победитель фотоконкурсов журнала «Photografer», фотосайта photoawards.ru

Фотографии размещены на многих сайтах. Среди них: dphotographer.com.ua, photomediaworld.com, dartfoto.at.ua, photoclub.com.ua, macroclub.ru, photocult.com, photopodium.com, mirtesen.ru.

Готовится к изданию первый фотоальбом.

Фотография для В. Басырова не самоцель, а субъективная трансформация реальности, уведенная через объектив камеры. Это взгляд художника, для которого кадр не слепок времени или временной срез, а та среда в которой он живет и постоянно находится...

Эремурус.
(Фото В. Басырова, 2009 год)

Весенние хлопоты.
(Фото В. Басырова, 2008 год)

Публицистика**Наш друг из Севастополя****Тамара Гордиенко**

Летом 2006 года на Севастопольском международном кинофестивале «Остров Крым» мне довелось встретиться и пообщаться с Василием Аксеновым, возглавлявшим жюри фестиваля.

...6 июля 2009 года Василий Павлович Аксенов скончался...

Размещаю этот материал в память о знаменитом писателе, неординарной личности, интересном человеке, очень любившем Крым.

СУДЬБОЙ ДАРОВАННАЯ ВСТРЕЧА

Когда организаторы Севастопольского международного кинофестиваля позвонили во Францию известному русскому писателю Василию Аксенову и попросили разрешения использовать для названия фестиваля название его знаменитой книги «Остров Крым», он согласился. Принял Аксенов и предложение быть председателем жюри фестиваля.

Известие о том, что на фестиваль едет Аксенов, взволновало севастопольцев. Многие помнили и любили его ранние книги «Звездный билет», «Пора, мой друг, пора!», «Апельсины из Марокко» и особенно — знаменитую повесть «Коллеги», которая сорок с лишним лет назад произвела фурор в современной литературе. Номер журнала

«Юность» с повестью зачитывали до дыр, одноименный фильм смотрели по несколько раз. Василий Аксенов стал знаменитым, а актеры Василий Лановой, Олег Онуфриев, Василий Ливанов, сыгравшие в «Коллегах», приобрели необычайную популярность.

Аксеновские «Коллеги» совершили переворот в умах молодежи конца пятидесятых — середины шестидесятых годов, оказали влияние на моду, сленг. Помню, как ребята копировали походку Максимова — Василия Ланового, как повторяли остроту Карпова — Олега Онуфриева «Заткни фонтан!», как девочки делали прическу под Дашу — Тамару Семину, а мальчики старались быть похожими на Сашу Зеленина — Василия Ливанова... Несколько поколений ребят и девушек выросли на этой книге. Аксеновым восхищались, ему подражали! Еще бы: талантливый, современный, ироничный! Да к тому же, поменявший профессию врача на профессию писателя! Да одним из первых начавший носить американские стильные штаны и, как говорили, первым назвавший их «джинсами» (до этого в народе ходило слово «техасы»)!

Какой же он сегодня — кумир шестидесятых?..

На открытии фестиваля я подошла к Василию Аксенову и попросила дать интервью. Мы встретились с ним на следующее утро в Херсонесе, куда «фестивальцы» пришли для участия в экологической акции «Севастопольцы — за чистый город!» Мы присели на лавочку в херсонесском дворике, и он вопросительно глянул на меня.

— Василий Павлович! — сказала я. — Последние годы героями ваших книг являются современные супермены. И все-таки: Максимов, Карпов, Зеленин... Нет ли у вас ностальгии по этим героям из вашей знаменитой повести «Коллеги»?

— Когда вижу Василия Ливанова, Олега Онуфриева и Василия Ланового, тогда появляется ностальгия. Они играли в одноименном фильме. И, знаете, что интересно? Фильм сняли более сорока лет назад, но до сих пор приходят письма от кинозрителей с

просьбой сделать продолжение. Можете себе представить?

— А вы не хотите написать продолжение?

— Вася Лановой недавно мне звонил и говорит: «Вот бы написать!» Я ему отвечаю: «Ну, я писать не буду. Вы сами что-нибудь напишите, а я уж потом подправлю рукой мастера, как говорится». Это было бы очень и очень интересно, чтобы старики сыграли, что произошло с теми ребятами за сорок лет.

— Они же — сорок лет спустя?

— Да, они же — сорок лет спустя. Вася Ливанов придумал, что один из них — эмигрант, приезжает из какой-то Бразилии или Кубы... Ну, если взяться, можно массу всего интересного придумать.

— Василий Павлович! Один из них — это вы? — поинтересовалась я.

— Не полностью, — ответил Аксенов. — Знаете, первая книга всегда связана с чисто биографическими материалами автора. Ну, что-то там было, конечно: решительная смена жизни, конец учебы, начало работы, разочарования различные... Ближе всего ко мне, может быть, Максимов, которому не все в этом окружающем пространстве нравится. А вот Саша Зеленин, который уехал в Круглогорье работать, — его играл Ливанов — он не похож, он — идеалист. Такие были тоже.

— Вы знаете, фильм в деталях забылся, но до сих пор стоит перед глазами, как открывается дверь, влетает Тамара Семина, игравшая Дашу, и кричит: «Сашу убили!..»

— Кстати, и Тамара Семина в хорошей форме и могла бы тоже сыграть в этом фильме. Слава Богу, все живы, в отличие от «Звездного билета», где остался только Саша Збуров. Остальные все умерли, — с горечью сказал писатель, — хотя были гораздо моложе «коллег»: и Андрей Миронов упал прямо на сцене, и Алик Даль безвременно ушел, совсем молодым, сорока еще не было...

— Ваши герои были мужественными и нравственно чистыми людьми. Как на ваш взгляд, есть сейчас такие люди?

— Я думаю, что таких, как они, нет. Есть другие формы идеализма, не те, что были в книге: живут какие-то люди, которые держатся, например, за науку, хотя она им не приносит никаких особых доходов. Те, кто уходит в мир бизнеса, тоже не прост: надо обладать определенным мужеством, чтобы в бывшем Советском Союзе выстраивать бизнес. То есть люди, как и всегда, разные, но таких, как «коллеги», нет.

Василий Павлович Аксенов сегодня — уже немолодой человек с осторожной походкой и неторопливой речью. Он говорит негромко и непринужденно и совершенно не обращает внимания на фотографов и операторов, непрерывно снимающих и записывающих его. Видно, что ему свободно и хорошо на легендарной херсонесской земле.

— Говорят, что все книги, как любимые дети. И все же, какая книга — главная?

— Долгое время моей главной книгой был роман «Ожог». Недавно, в 2000 году, я закончил большой роман «Кесарево свечение». Он был для меня итоговым — итоговым для автора 20 века: век кончается, и кончается вот такой большущий и очень сложный роман. Это, по-моему, моя вершина. Хотел даже бросить после этого писать, но, видно, кровь отравлена уже: пишу и пишу, — доверительно говорит Василий Павлович. — Вот написал роман из 18 века «Вольтерьянцы и вольтерьянки». Написал совсем недавно роман «Москва ква-ква», вызвавший большой скандал. Если увидите его, я рекомендую вам его прочитать. Это 52-й год, последний год жизни Сталина. На этом фоне любовный треугольник развивается. Но роман не только об этом, конечно.

— Вопрос, без которого не обходится, наверное, ни одно интервью: над чем вы сейчас работаете? Если вы не суеверный человек и не боитесь сглазить?

— Да нет, ничего, — улыбается Аксенов.

— Роман называется «Редкие земли». Недавно на встрече с читателями меня кто-то спросил: «Почему вы ушли в историю?» Я и не замечал, что ушел в историю. Но читатель говорит: «Посмотрите, «Московская сага» — это история, «Москва ква-ква» — уже тоже история. О «Вольтерьянцах» и говорить нечего!..» — Он смеется. — Ну вот, вдохновленный этим вопросом, я и затеял современный роман.

— Как вам Севастополь после Парижа? — спросила я Аксенова.

— Я всю жизнь почему-то хотел попасть в Балаклаву, но это было невозможно, — поделился Василий Павлович. — Один раз, в 1979 году, мы с двумя писателями из альманаха «Метрополь» на лодке ходили по Крыму, решили прорваться все-таки в Балаклаву и... попали в милицию. И вот мечта сбылась: я — в Балаклаве, в совершенно западном каком-то отеле под названием «Дакар». Утром вышел, купил майку с названием «Украина» и синие шорты и пошел на пробежку. Бегу и не верю своим глазам — я думал, что там будет скопище техники военной, да ничего подобного: стоят потрясающие океанские катера, и они выставлены на продажу. На набережной — масса кафе. В общем, Балаклава похожа на обычный средиземноморский курорт. Неописуемой красоты сама бухта! Невозможно вообразить, как в нее входили подводные лодки, скрывались в подземных штолнях, и какая страшная сила этой запрещающей тоталитарной державы скопилась здесь, как она везде, в общем, скапливала: колossalная часть морского побережья была запретной.

— Я вообще обожаю Крым, — добавил он. — Поэтому я и роман «Остров Крым» написал. Да, Крым очень люблю и желаю ему лучшей жизни. Она, конечно, стала лучше сегодня, чем при Советах. Советы сделали все, чтобы отравить жизнь людям. Сейчас люди здесь раскрепощаются, и это видно даже по тому, как они называют свои ресторанчики и кафешки. И «Шайба», и «Ванильный блюз» — это очень оригинал-

ные названия. Не то, что при Советах было: «Солнышко», «Волна», «Прибой»!..

— Василий Павлович! Столько слухов носилось о том, что собираются или уже снимают «Остров Крым». Почему роман до сих пор не экранизирован?

— За последние годы мне поступило несколько предложений экранизации «Острова Крым». Пять проектов были уже практически запущены в производство, но на каком-то моменте развалились. Все упирается в финансовую подоплеку, потому что фильм должен быть очень дорогой, учитывая специфику съемки. К тому же, нужны серьезные актерские работы. Сегодня ведь даже отечественные актеры очень дороги, а для коммерческого успеха фильма на Западе, обязательно должны сниматься какие-то иностранные звезды. Вот и получаются запредельные цифры стоимости фильма. Но я все-таки надеюсь, что когда-нибудь фильм выйдет на экраны.

— Кого вы видите режиссером?

— В одном проекте режиссер уже был — это классик нашего кинематографа Владимир Наумов, который вместе с Аловым делал такие потрясающие вещи, как «Бег» и «Скверный анекдот». Мы с ним одинаково смотрели на специфику будущего фильма. Режиссеры сейчас появились. Были бы деньги, а режиссер найдется.

— Вы хотите, чтобы фильм снимали по вашему сценарию?

— Да. Я сделал сценарий так, как будто заново написал роман. Мне кажется даже, что в чем-то он лучше, потому что я выдвинул вперед любовную линию: отношения Тани Луниной и Лучникова. Ее муж, которого она называет Суп, в романе — чемпион по биатлону, а в сценарии — дискобол. Почему дискобол?.. Потому что это античная фигура. Я выдвинул вперед любовную линию, не утопив политическую фантастику и авантюру. Это все осталось. Я хочу,

чтобы вначале это был полнометражный фильм, а потом его можно будет разделить на серии.

Он помолчал и добавил:

— Кстати, в восьмидесятые годы сажали за чтение «Острова Крым». Или даже за нахождение книги, купленной на Западе. Я знаю одного океанографа, который за границей, где-то в русской лавке купил «Остров Крым». Вернулся во Владивосток, его арестовали, и за покупку этой книги он отсидел три года.

— Василий Павлович, как вы относитесь к экранизации «Московской саги»?

— Для тех, кто не читал роман, это хорошая экранизация. Для тех, кто читал (я отношусь к ним тоже), — Аксенов лукаво усмехнулся, — это плохая экранизация. В ней упущено очень много романских возможностей. Это и моя вина, между прочим. Я в это время еще преподавал в Америке; осень, зима и весна у меня были заняты. К тому же, я еще и писал. Если бы я всерьез занялся фильмом, не успел бы написать тогда ни «Новый сладостный стиль», ни «Кесарево свечение». Надо было либо продать им права, либо писать сценарий самому. Я выбрал первое. Они купили у меня права, и я очень редко приходил на съемочную площадку. Только тогда, когда приезжал в Москву. Вот они и снимали, как хотели.

— Виктор Некрасов говорил когда-то, что западные издатели все время просили его создавать книги о советском прошлом. Запад, описанный бывшими советскими писателями, их не интересовал. Вы сталкивались в эмиграции с этой проблемой?

— Постоянно. Коммерческие люди там абсолютно не интересуются современной культурой. Вот в американском университете, скажем, где я преподавал двадцать четыре года, совершенно другая среда и другие люди. А что касается Голливуда и больших издательств, они всегда ищут что-то похожее на «Братьев Карамазовых», на «Войну и мир». Им нравились страсти-мор-

дасти. Когда появилась русская мафия, они набросились на эту тему... А вот превращение полуострова Крым в остров они не понимают, потому что не знают, что Крым — полуостров. Крым для них — это Флоренс Найтингейл. И все. Матроса Кошку они уже не знают... Так что нам еще надо как-то пробиваться в этот мир.

— Но вы же пробились в него?!

— Я приехал в 80-м году и сразу же начал преподавать в университете. Это моя удача. Я сменил несколько университетов, но все те годы это был основной источник моего существования. Я всегда с наслаждением начинал учебный год. Передо мной каждый раз сидела новая группа, и я как-то подсчитал, что через мой класс прошло три тысячи американских молодых людей. Это немало!

— Для театра и кино вы что-нибудь сейчас делаете?

— Несмотря на то, что мой любимый «Остров Крым» в кино до сих пор не прошел, у меня вдруг неожиданно туда попало произведение, о котором я и думать забыл. Это детская книга «Мой дедушка — памятник». Никто из молодых людей ее, наверное, не знает. Она написана тридцать три года назад. Это приключения школьника Гены, который хорошо учился в школе и не растерялся в трудных обстоятельствах. Уже работа началась, уже заплатили мне

за права — и неплохо. Режиссер Дима Коробкин на острове Куба нашел натуру, привез оттуда колоссальный видеоматериал. Уже нашли Наташу Вертопрахову — девочку, в которую влюблен Гена. Не нашли пока еще мальчика на роль главного героя. Но работа идет.

Мы беседовали уже довольно долго и пора было идти на берег моря, чтобы очищать территорию пляжа от бумажек и пластиковых бутылок.

— Василий Павлович, давайте вернемся к вашим «коллегам»! У Максимова, Карпова и Зеленина случился конфликт с ветераном, который потерял ногу в окопах Сталинграда. И они пришли к выводу, что каждый должен держать свой окопчик — в этом смысл жизни. Вы вложили собственное убеждение в уста героев? — задала я вопрос. — И считаете ли вы сегодня так же, как и сорок лет назад, что каждый должен держать свой окопчик?

— Окопчик? — переспросил Аксенов. — В окопчике завалит, лучше вылезать из него. Тут надо решить для себя: либо драпать, либо идти в атаку, но сидеть в окопчике, помоему, не стоит. Вообще все эти вещи старые, — помолчав, добавил он, — такие, как «Коллеги», «Апельсины из Марокко» или, скажем, «Звездный билет», «Пора, мой друг, пора!» Они мне милы очень, но я на них сейчас всерьез не могу даже смотреть. Это детский сад, по сравнению с тем, что я сейчас пишу.

На прощанье Василий Павлович написал на книге «Апельсины из Марокко»:

«Тамаре в Херсонесе. Желаю всего! 24 июля 2006 года»

P.S. Через неделю в Симферополе, будучи в командировке, я сказала знакомому художнику, что брала интервью у Василия Аксенова.

— Да ты что?! — восхищенно воскликнул он. — Вот это повезло! И как он? Что пишет? Господи, мы же на его «Коллегах» выросли!..

19 ноября 2011 года в Уфе состоялась встреча Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева с главами духовных управлений мусульман. «У руководства страны есть чёткое понимание того, что только проповедующие в духе традиционного для нашей страны ислама священнослужители могут идеологически противостоять радикализму и экстремизму, — подчеркнул Медведев.

Президент также отметил, что государство уделяет большое внимание развитию исламского образования. «В бюджете на текущий год, и на 2012-2013 годы предусмотрена довольно значительная сумма — почти миллиард рублей», — сообщил он.

Как отметил Дмитрий Медведев, «незнание элементарных основ религиозной культуры делает молодого человека наиболее уязвимым для проявлений такого рода радикальных течений, экстремистских течений».

В августе 2010 года в газете «Полуостров» (Крым) и журнале «Ислам в Украине» вышла моя статья с рассказом и рассуждениями о том, как в Украине решают эту проблему. Сегодня мне хочется поделиться этим с читателями нашего журнала.

Корни наши сплетены, или Нужен ли Коран на украинском

«Горе в их хорошую, дружинную семью пришло неожиданно. А когда его кто ожидает?.. За четыре дня до пятидесяти семилетия Гараева-старшего у них с женой погиб сын. Игорю было тридцать два. Он собирался жениться. Радовались за него, подумывали о внуках — пора уж было, давно парень «в девках» засиделся. Сын с невестой летели из Сочи в Москву, спешили к отцу и будущему свекру на день рождения. И вдруг — взрыв самолета в воздухе, теракт. От их сына практически ничего не осталось. И от семьи, как оказалось, тоже.

Не забыть Гараеву ненависти в глазах жены, когда она, всегда спокойная и ровная, кричала после похорон ему в лицо: «Это твои соотечественники, твои хваленые исламисты убили нашего сына! Пойди, скажи им спасибо! Ты всегда так гордился тем, что не отрекся от национальности своего отца!! Где твой отец, где?! Не он ли забрал к себе нашего мальчика?» Да, Александр Русланович Гараев никогда не скрывал своего происхождения по отцу, где бы и в какое время ни жил. Наоборот, порой даже с вызовом подчеркивал это, за что близкие называли его упрямцем. Одни с досадой, другие с любовью и восхищением...»

Это фрагмент из моей повести «Роман в интернете». Повесть о многом и о многих. Но одним из его героев стал Саша Гараев. Сын матери полячки и отца чеченца, волею судьбы оказавшихся в суровом северном kraю.

Я родилась и выросла в многонациональной стране с единым общим на всех государственным языком — русским. В Украину я попала в семилетнем возрасте из Якутии. Школу окончила с «пятеркой» по украинскому языку, умея запросто болтать на нем с соседом по лестничной площадке Сережкой Зиганшиным и одноклассником Радиком Фахретдиновым. До сих пор мне неизвестно, знают ли они язык своих предков. Но украинский знают точно! И, уверена, лучше русского. Самое удивительное, что и я, имея русские корни, учась в институте в Сибири, во время сессии порой (от усталости, наверное), засыпая, мысленно рассуждала на украинском языке. Нет, корни у меня не только русские. В моем роду, я знаю, есть поляки, давным-давно высланные из Польши в Сибирь. Кого только туда не ссылали во все времена. Люди разных национальностей нашли свой дом с теплом и трудным счастьем в местах холода и вечной мерзлоты! И не цвет глаз, не язык сводил их вместе или разводил подальше друг от друга в нелегкой жизни. Главное, чтоб человек был хорошим! А какому Богу он молится — не суть важно. Я читаю работы Достоевского, где он отражает свои впечатления от пережитого на каторге... Читаю известного польского патриота, литератора и общественного деятеля XIX века Шимона Токаржевского (Токажев-

ского), который был там же вместе с великим русским писателем. Оба они пишут о том, что рядом с ними бок о бок жили и переносили свое каторжное наказание лезгины и кабардинцы, оставшись, несмотря ни на что, свободолюбивыми и непокоренными, мирно и по-доброму настроенными к тем, кто не делал им зла. В минуты отдыха и русские, и поляки-сокамерники с восторгом слушают рассказы и песни горцев, восхищаясь необычайной мелодичностью и выразительностью услышанного. Не знают они языка этих народностей, чужда их вера. Но песни и молитвы действуют на европейцев завораживающе, поражая своей необычной красотой. Где-то среди этих каторжан был и мой прапрадед Хмелевский. Мало я знаю о нем. После каторги он так и остался в России, женившись на девице в северном Казахстане. Никто никогда из моих родственников, которых я знала, не видел ее портрета. Но не из-за нее ли у нас в родне вместе с круглолицами и белокожими есть скучающие лица, словно обласканные степным солнцем? Вполне вероятно, что мусульманами были ее родители. Ей, наверняка, пришлось обратиться в веру мужа-католика. Так же, как и моей русской прабабке Хмелевской, которую я видела и помню. Меня с годами все больше и больше тянет узнать о своих корнях. Какими они были, о чем думали, что пережили в жизни? Сколько каких религий переплелось в моем роду? Думаю, я не одна такая...

Помню, с детства боялась басмачей. Поэтому что смотрела много советских фильмов того времени о том, как жестоко расправлялись они со своими врагами-инородцами. А до этого еще было нашествие монголо-татар, их иго... Наверняка, учителя говорили об ордынцах. Но они в детском сознании почему-то отождествлялись с мусульманами. И Грибоедова убили...

Позже я услышала об исламском фундаментализме. И от этого было как-то неспокойно на душе... Спустя еще какое-то время пронеслось выражение «исламская угроза». Стало известно о зверствах моджахедов, шепот о войне в Афганистане, открытая война в Чечне, казни, взрывы, незнакомое слово «растяжки», захваты заложников... Да и

за пределами России пусть реже, но возникали подобные проблемы — Нагорный Карабах, бывшая Югославия, 11 сентября в Америке... Все эти деяния экстремистов, прикрывающихся исламом, разумеется, вызывали негативную реакцию не у меня одной. И слово мусульманин приобретало какую-то зловещую окраску. И как-то забывалось о том, что в роду были и есть мусульмане, что сосед и одноклассник из них же. Лишь позже в голове появилась мысль, что не мусульмане виноваты в этом. Просто нужно кому-то объяснить столкновения между людьми и цивилизациями религиозными различиями. В это нетрудно поверить тем, кто не очень хорошо знает историю, не задумывается о том, что в нашей стране, как и во всем мире, на протяжении тысячелетий христиане и мусульмане жили бок о бок очень мирно, создавая совместные семьи, удивительную культуру, науку, искусство.

Ислам — одна из древнейших традиционных религий мира. Как в физике существует закон притяжения разноименных зарядов, так Восток издавна притягивал к себе интерес и умы европейцев. Коран (от арабского куран, что буквально означает «чтение») — священное писание ислама и первый письменный памятник арабско-мусульманской литературы. С этим собранием проповедей, обрядовых и юридических установлений, заклинаний и молитв, назидательных рассказов и притч, произнесенных Мухаммедом в форме «пророческих откровений» в Мекке и Медине между 610 и 632 г.г., положившим начало религиозному учению ислама, в Европе впервые ознакомились по латинским обработкам 12-16 веков. В 1647 году вышел французский перевод Корана А. Дю Ри. В России первый русский перевод был сделан с французского языка П. Посниковым в 1716 году, в 1790 году — М. Веревкиным, в 1792 году — А. В. Колмаковым, в 1864 году — К. Николаевым. Непосредственно с арабского языка Коран перевели Д. Богуславский в 1871 году, Г. С. Саблуков в 1878 году, А. Е. Крымский («Суры старейшего периода») в 1905 году, И. Ю. Крачковский. Первые попытки перевода Корана на украинский язык делал известный украинский востоковед ученый Агатангел Крымский. Свой взор и талант обра-

щал к Корану И. В. Гете в «Западно-восточном диване». Великий Пушкин написал в 1824 году свои «Подражания Корану».

Два года назад я была в Крыму на первом международном литературном фестивале «Славянские традиции-2009». К этому времени половина моей повести «Роман в интернете» уже была готова. Но суть начала истории Александра Гараева, преуспевающего российского книгоиздателя, была несколько иной. По первой моей версии у него умирает внезапно и тяжело заболевшая жена. Да и с его происхождением я как-то до конца еще не определилась — разрывалась моя душа между «горячей точкой» современности Чечней и привычными для Якутии, проживающими там с давних пор, татарами. Одно знала точно: мать Саши Гараева, ученика отца главной героини повести, по национальности — полячка. И представьте себе, что в первый день открытия фестиваля среди членов жюри конкурса на сцену выходит абсолютно незнакомый мне человек, берет в руки микрофон и говорит, проводя мысль о единении межнациональных культур, слова: «Моя мама — полячка, отец — татарин... Я родился в России, детство провел на Крайнем севере, позже переехав в Украину...» Я рассмеялась в душе — начало моего Гараева. Мгновением позже я чуть было не подпрыгнула со своего места: выступающий — известный украинский издаатель! Дальше я почти не слышала, что он — писатель, поэт, переводчик... Это человек, которого я придумала, сочинила... и вот он передо мной! Только имя его Валерий Басыров, а не Александр Гараев. Я слышала со сцены рассказ Басырова о том, как он десять лет работал над переводом на украинский язык Корана, а сама думала, что «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»... И совсем уж не по себе мне стало дома, когда дорвавшись до Интернета, я выискивала все, что касается этого человека. Я с ужасом прочла историю о том, что однажды и в их дом постучалась беда, коснувшись своим черным крылом жены Валерия Басырова. Как они борются с ее недугом... Что это такое, я знаю не понаслышке... И тогда я мгновенно приняла решение переделать историю своего героя. С женой у Гараева все в порядке, она здорова, жива! Но горе

все-таки настигает эту хорошую семью, приходит оттуда, откуда его вовсе не ждали. Их единственный сын, продолжатель рода, который одним из корней уходит в мусульманство, погибает от рук террористов, подорвавших самолет с сотнями ни в чем неповинных людей. Женщины-террористки прикрывались исламским знаменем...

Я не знала еще тогда, спасла ли я своим изменением содержания главы жену Басырова. Но я задумалась: почему человек, никогда не видевший своего отца-мусульмана, выросший среди европейцев, знающий украинский и не говорящий по-татарски, вздумал проделать этот титанический труд — осмыслив творчески, перевести на украинский язык Коран? Что должно было произойти в его жизни, что должен он пережить, чтобы испытать такую сильную потребность в этой работе? Чтобы десять лет жизни отдать этому? Десять лет нужно было бережно нести в себе сосуд вдохновения, чтобы не расплескать его, как драгоценную воду в разгар засухи. И потому отчасти нельзя было громко говорить об этом до поры до времени. Сколько дней и ночей провел этот человек наедине со Всевышним, который своей волей направил его на работу со священным писанием? Для чего?! Почему?

Наверное, Всевышний водил его рукой еще тогда, когда Басыров в январе 1996 года записывал у постели умирающей матери свои притчи в стиле Корана. Подружившись с Валерием Басыровым, несколько позже я узнала, что, потеряв самого родного для себя человека, он все чаще обращается к Корану. Ему кажется, что эта священная книга мусульман поможет ему понять отца, даст толчок к тому прощению, которое так необходимо человеческой душе. Он снова и снова читает его в русском переводе. Пытается осмысливать прочитанное по-своему, делая пометки на полях, переписывая многое в блокнот. Его мелкий, с завитушками почерк, напоминающий арабскую вязь, и в русском написании оставляет суры и аяты с налетом духа его предков. Я знаю человека, который никогда не видел своего деда. Но однажды, сличив собственный почерк с его, обнаружил почти полнейшее сходство. Родовая память! Думаю, в почерке Валерия Басырова не один

его близкий по линии отца. Ему вдруг захотелось выучить язык своих предков. Всю жизнь считал, что отец виноват перед ним и мамой. Но вот сам он прожил уже почти полвека. Старался жить честно, отдавать себя людям полностью и бескорыстно. Пожалуй, ему не в чем было себя упрекнуть, как христианину, как гражданину Украины. Родился далеко от родины своих предков, на Урале. Попав в Украину, памятуя, чей хлеб ел, выучил украинский, чтобы говорить со своими земляками на их родном языке.

А вот перед прародителями по линии Басыровых неожиданно почувствовал себя в долгу! В последние годы он довольно серьезно интересовался историей татар, читал много произведений классиков татарской литературы, занимался переводами. И вдруг, как воля сверху — объедини своих предков, соедини мать с отцом! Пусть с опозданием в несколько десятков лет, но сделать это нужно! И он, всю жизнь что-то придумывавший, решил священное писание, по которому жил его отец, перевести на украинский язык, на котором разговаривала мама.

Переехав в 1997 году в Крым, Валерий Басыров много работал, а в любую маломальски свободную минуту изучал ислам, историю Пророка. Старался делать это тщательно и всесторонне, накапливая знания, пропуская их не только через свой ум и богатое воображение. Сердцем вникал в то, что касалось его предков.

И все чаще ныла душа по отцу, почти как в детстве. К любопытству примешивалось чувство прощения, желание забыть все плохое и обидное, что было связано с отсутствием отца в его жизни. Он решил отыскать своих родственников по линии Басыровых. Неожиданно помогли коллеги-журналисты. По Интернету пришло сообщение из башкирского города Нефтекамска от редактора местной газеты «Красное знамя». Авхадиева Гульназ Тимербаевна, замечательный, отзывчивый человек, дала адрес, выражая свою надежду, что именно его сестра проживает по нему. Вскоре Валерий Басыров получил от сестры письмо, узнав, что его отец умер через год после смерти мамы. Многое открылось для него с обретением многочисленной татарской родни. Узнав о

смерти отца, Валерий Басыров с еще большей жадностью впитывает в себя смыслы Корана, пишет их на украинском языке — для мамы, усмехался в душе он. «Вони намагаються ошукати Аллаха і віруючих, але обманюють лише самих себе і не усвідомлюють цього» («Они пытаются провести Аллаха и верующих, но обманывают лишь себя самих и не понимают этого»), записал Басыров в тетрадке свое разумение девятого аята Суры Аль-Бакара, что для него означало — себя и Бога не обманешь! Ему все чаще стало казаться, что, читая священное писание мусульман, он начинает лучше понимать не только своих деда и отца, но и себя самого, собственное предназначение в этом мире. Несомненно, волею Всевышнего, волею самой судьбы, которая посвятила Валерия Басырова в сан Пишущего в раннем детстве, именно он должен был заняться делом, ставшим главным в его жизни. Он, в котором соединились мусульманство и христианство. Всевышний позволил ему издавать эту книгу, ни к кому не обращаясь за материальной поддержкой. И пусть порой это делалось в ущерб иным своим литературным произведениям, пусть в семье чего-то иногда не хватало из-за того, что нужны были деньги на издание очередного тиража Корана. Главное, что книга эта была востребована людьми!

Когда десятилетний титанический труд над осмыслением Корана на украинском языке был завершен и об этом стало известно в широких общественных и религиозных кругах, началось много дебатов: а имел ли право Басыров заниматься этим? Можно ли было начинать это без благословения муфтиата? Но светское культурное общество оказалось единодушным — нужно было непременно! Да и муфтият в конечном итоге благосклонно отнесся к результату работы и к ее насущности, взявшился оказывать посильную помощь в окончательной доработке текста, сознавая необходимость широкого распространения правильного, осмыслиенного содержания Корана на государственном языке страны, продиктованную самим временем. Не знаю, были ли претензии у исламистов, современников Пушкина, к его «Подражаниям Корану». Но знаю, что в Узбекистане

три исламских фанатика в 2007 году убили режиссера Марка Вайля, поставившего на сцене это прекрасное произведение великого поэта. Им не понравилось... Они заступились за Коран? И в этой священной книге они снискали позволение на свои действия? Может быть, кто-то когда-то втолковал им ее неправильный смысл? И не было у них возможности прочесть Коран на родном для них языке? А. С. Пушкин писал:

С небесной книги список дан
Тебе, Пророк, не для строптивых:
Спокойно возвещай Коран,
Не побуждая нечестивых!

Мысль этого стихотворенияозвучна с сурами «Корова», «Совет», «Комната» и др. А в переводе В. Басырова я слышу:

«...творите добро, ведь Аллах любит творящих добро» (2:195);

(...*i robīt dobro, oскільки Аллах любить тих, хто робить добро*).

«Воздаянием за зло является равноценное зло. Но если кто простит и установит мир, то его награда будет за Аллахом. Воистину, Он не любит несправедливых.» (42:40)

(«*Відповідю на зло є рівноцінне зло. Але якщо хто простить і запропонує мир, його нагорода буде за Аллахом. Воістину, Він не любить беззаконників*»).

«... вершите справедливость (во всем). Истинно, Аллах любит справедливых» (49:9)

(«...*будьте справедливими в усьому. Воістину, Він любить неупереджених*»).

Так, может, чтобы не было больше подобных убийств сделан этот перевод? Или В. Басыров перевел Коран на государственный язык Украины, чтобы такие как я не боялись мусульманства, прочтя заповеди ислама на том языке, который знаем?

Уверена, веками наши корни сплетались из многих национальностей и вероисповеданий. Не потому ли я решила познакомиться с Кораном, что где-то давным-давно мой прапащур Хмелевский женился на мусульманке, а родные тетки моей бабушки вышли замуж за турков? Не потому ли позвал к себе Коран Валерия Басырова, дед которого был имамом? И, позволю себе предположить никем доселе, пожалуй, не предполагаемое и не доказанное. Может, в том, что принимаясь за свой лирический цикл стихов, Александр Сергеевич Пушкин написал брату: «Я тружусь во славу Корана», хоть чуточку повинен их прадед, которого звали Ибрагимом?

Да, все мы разные. Но мы обязаны быть терпимы один к другому, должны понимать друг друга. Хотя бы потому, что веками этому учат Библия и Коран, заповеди которых имеют очень много общего. Нужно только услышать все это. Именно поэтому требуется правильный, осмыслиенный, доступный каждому на родном для него языке, перевод священного писания, который сделал в Украине Валерий Басыров. Наверное, поэтому, высоко оценив идеальную и художественную значимость этой работы, президиум Крымской Литературной Академии выдвинул ее на соискание премии Президента Украины. А 12 мая 2011 года в Киеве на проходившей Международной мусульмано-иудейской конференции состоялась презентация многолетнего труда Валерия Басырова, вызвавшего довольно сильный резонанс в обществе и снискавший, в конце концов, поддержку в различных религиозных кругах мирового мусульманства. И я верю великому Пушкину, что открыв «сияющий Коран, да притечем и мы ко свету, и да спадет с очей туман»...

Ольга ПРИЛУЦКАЯ,
Ростов-на-Дону

Переводы

ПАВЕЛ КАШАЕВ — ВОЛОДИМИР СОСЮРА

П. Кошаев, гость из Днепропетровска — поэт, художник, журналист. Член МСПУ, МСПС, Национального союза журналистов Украины. Автор двенадцати книг, более ста песен.

* * *

Не погасни маревом,
Не развейся сном —
Белоснежным облаком
За моим окном.
Не замолкни песнею...
Лучше поскорей
Вспыхни хризантемою
На груди моей.
Садом солнцерадостным,
Словно милый край,
Ты цвети, любимая,
И не отцветай!
Лейся нежной музыкой
В золотом огне,
Чтоб жилось по-новому
И тебе, и мне.
Чтоб сбывалось главное:
Свет любви не гас,
Чтоб потомки славные
Не забыли нас...

* * *

Я жду... Тебе слова привета
Стихов заветные слова.
Зову тебя... Ты, словно лето,
Где так спокойны дерева
И полуночная истома
По жилам льется, как вино,
И месяц, что повис над домом,
Глядит, как в зеркало, в окно.
Я так люблю, когда не тают,
Лучатся звезды над водой,
Когда вздыхает над цветами
Июльский ветер молодой...
Но далеко еще до лета,
А прежнее — ушло давно...
Лишь ветер бьется до рассвета
В мое закрытое окно.

ПОДСНЕЖНИК

Мир озарен улыбкой нежной
Полей, лесов... Растил снег...
И лепестки свои подснежник
Раскрыл под солнцем по весне.
На белый свет гляжу с надеждой,
Зима в душе моей прошла
И расцветает, как подснежник
Под солнцем счастья и тепла.

* * *

Тихо. Недвижимый воздух...
Слово ль для песни найду?
Падают будто бы звезды
Яблоки в нашем саду.
В небе — печаль журавлиная,
Вянут и никнут цветы.
Выйду: край неба — малиновый,
Гляну: а небо — как ты.
Тучка плывет кучерявая,
Тает, как призрачный сон.
Месяц над синими травами,
Ветер тоской напоен...
Вдали мои тянутся руки.
Слушаю вечер и жду...
Падают, падают глухо
Яблоки в нашем саду.

* * *

Тебя любил, как ветер — небо,
В огне сомнений и обид
И принимал за правду — небыль —
Твою игру — влюбленный вид.
Тебя любил, как ветер вешний,
Что встретил розу на пути,
Но вот неискренности грешной
Я не смогу тебе простить.
Ты не любила. Час прощанья
Зажег печальную зарю...
И все ж, в минуты расставанья

Проза

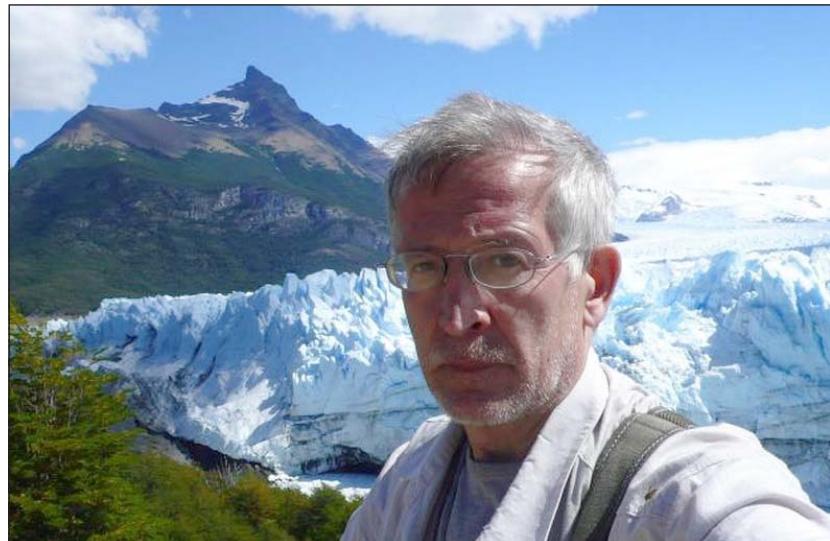
Наш друг из Башкортостана

Зиганшин Камиль Фарухшинович — писатель, бизнесмен, путешественник.

Родился 15 марта 1950 года в семье кадрового офицера. Детство и юность писателя прошли на Дальнем Востоке в военных городках, в самых глухих таежных местах Хабаровского и Приморского краев. В своей жизни ему довелось потрудиться в геологических партиях в Якутии, отходить матросом на китобойце «Вольный», промышлять соболя, работая четыре сезона штатным охотником в Лозовском Госпромхозе в отроках Сихотэ-Алиня. Окончив Дальневосточный политехнический институт в 1973 году, он получил образование радиоинженера. С 1975 года постоянно живет в Уфе.

...Писать начал в середине 80-х годов, используя материалы охотничьих дневников, впечатления от путешествий и работы в геологических партиях. В 1995 году был принят в Союз Писателей Республики Башкортостан. С 2006 года — член Союза Писателей России. В 2001 году избран членом правления Союза Писателей Республики Башкортостан. Учредитель и председатель Фонда защиты диких животных в Башкортостане. Учредитель премий «Рыцарь леса» и «Уфимская куничка». Автор книг: «Охотничья повесть, или История жизни рыси», «Щедрый Буге», «Маха, или История жизни кунички», «Боцман», «Таежные истории», «Скитники», «Золото Алдана». Лауреат нескольких престижных литературных премий. В 2011 году получил почетное звание «Заслуженный работник культуры России». Любит жизнь, хороших и добрых людей. Уверен, как бы ни складывалась жизнь, о духовности забывать нельзя!

Рассказ «Лохматый» написан по истории, случившейся в конце сороковых годов в одной из деревень Красноярского края. Его суть документальна. Вот только концовка немного не совпадает с авторской версией...

ЛОХМАТЫЙ

Рассказ

Молодцеватый, несмотря на свои пятьдесят семь лет, Федор Дементьевич или, как его звали в деревне, Лапа, стоял, упервшись в широкие свежеструганные доски крыльца, и в который раз оглядывал новенький дом зятя. С шумом распахнулась дверь. Из нее вывалились, похochатывая, высокий жилистый зять и плотная, во всем похожая на отца, дочь Наталья.

— Пап, кончай смолить. Пошли в дом, замерзнешь, — выпалила она.

— Да пора мне, Натаха, — сказал Лапа, кивнув на расплющенный между туч багровый глаз солнца. И, потоптавшись, неторопливо спустился по ступенькам в пока еще неухоженный, необжитый двор.

— Лохматый! — уверенно и властно позвал он собаку, направляясь к переминавшемуся с ноги на ногу от мороза и нетерпения Гнедко. Ласково похлопал его литой круп. Расправил упряжь. Взбил в санях сено. Укрылся тулупом и удобно устроился

в розвальнях, облокотившись на тугой, прикрытый брезентом, мешок муки.

— Бывайте здоровы! Ждем в гости, — крикнул он, обернувшись.

Крупный, с мощным загривком, лохматый кобель, крутившийся вокруг, рванул вслед заскрипевшим саням и в мгновение ока обогнал затрусившего ровной рысцой мерина. Миновав поселок и густую сосновую посадку, въехали в березовый с осиной пополам лес. Солнце скрылось за ощетинившимися верхушками деревьев, холмом. Темнело.

«А все-таки правильно, что в августе на новоселье не поехал, — подумал Лапа. — Дотянул до срока и сразу двух зайцев убил: у молодых побывал и мясо продал. Однако, башка у меня с толком», — самодовольно улыбнулся он, поглаживая бороду.

Дорога нырнула под гору и завиляла по стиснутой увалами долине ручья. Саны на покатых ухабах мерно покачивались, точно баюкали. Лапа, не выпуская вожжей, вытянулся и с удовольствием прикидывал, как распорядится выручкой. Он не любил людей, не умеющих зарабатывать. «Лентяй или простодыра», — говорил о таких. Вот и зять тоже хорош! Буровой мастер называется! Цемента не может подкинуть... Тоже мне — порядочный! Тьфу! Со вспыхнувшей на мгновение досадой сплюнул он.

Его размышления прервало испуганное фырканье Гнедко. Конь тревожно прядал ушами и, раздув ноздри, опять фыркнул. Бежавший впереди Лохматый прижался поближе к саням. Лапа обернулся и, шаря глазами по сторонам, заметил какое-то движение вдоль увала. Смутные тени скользили по гребню не таясь, открыто! Волки!!! Противно заныли пальцы, засосало под ложечкой.

— Но! Но! Пошел! — сдавленно просипел Лапа, наотмашь стегнув мерина, который и без того уже перешел на галоп и, вскидывая в такт прыжкам хвост и гриву, несся по накатанной дороге так, что ветер свистел в ушах. Деревья, стремительно вылетая из темноты, тут же исчезали за спиной. За упряжкой потянулась вихрастым шлейфом снежная пыль. Волки растворились во тьме.

Лента дороги вместе с ручьем петлей огибалась высокий, длинный увал. Хорошо знавший окрестности матерый вожак неспешно перевалил его и вывел стаю на санный путь к тому месту, куда во весь дух несся Гнедко.

Лапа, нахлестывая коня, лихорадочно соображал, что делать: стая не могла так легко оставить их в покое. Он чаял, что, петля таит смертельную опасность, но повернуть обратно не решался — поселок уже был слишком далеко.

— Авось упрежу, — успокоил себя Лапа.

Придерживая вожжи одной рукой, другой нашарил в сене топор. Внезапно мерино дико всхрапнул и, взметая снег, шарахнулся в сторону — наперерез упряжке стрелой вылетела стая. Мощный главарь сходу прыгнул на шею Гнедко. Еще миг и конь пал бы с разорванным горлом, но оглобля саданула зверя в грудь, и он рухнул на снег. Лапа опомнился, схватил мешок муки и с силой метнул его в стаю. Увесистый куль еще не успел упасть, как волки живой волной накрыли его, превратив в растерзанное белое облако. За это время Лапа успел выпрямить сани на дорогу.

— Давай! Давай! — осатанело заорал он, нещадно лупящая мерина кнутом. Обезумев от жути и боли, Гнедко несся, стреляя ошметками снега из-под копыт. Он обошел умчавшегося было вперед Лохматого.

Неужто оторвемся?» — мелькнула надежда.

Сани неслись по ухабам, то возносясь, то падая. На поворотах Лапу бросало из стороны в сторону. А сзади неумолимо накатывалась голодная стая. Лапа ощущал это каждой клеткой своего тела. Вот вожак, клацая зубами, попытался достать не поспевавшего за упряженкой Лохматого, но пес в смертельном ужасе прибавил ходу и, изнемогая, запрыгнул в розвальни.

Вытянувшись вдоль узкой колеи, стая бежала свободно, легко, как бы скользя по снегу, молча и неотвратимо настигая выбывающего из сил коня. Лапа явственно слышал их прерывистое дыхание. Еще немного и волки, пьянея от горячей крови, разорвут, растерзают долгожданную добычу на куски. Он выдернулся из-под себя овчинный

тулуп, швырнул его на дорогу. Звери на секунду задержались, но, обнаружив обман, возобновили погоню с еще большей яростью.

Лапа снимал и кидал в сторону серых то шапку-ушанку, то рукавицы... Но однажды одураченное зверье уже не обращало на них внимания. Разгоряченная преследованием стая жаждала крови и мчалась, неумолимо сокращая расстояние. Бешеная, изматывающая гонка близилась к жуткому финалу.

Охваченный страхом Федор Дементьевич, не умолкая, иступлено вопил, брызгая слюной, то на коня: «Быстрей, Гнедко, быстрей!», то, обернувшись назад, устрашающе тряся топором на стаю, — «Порублю! Всех порублю!». Казалось, еще несколько секунд — и матерый повиснет на руке, а остальные трое станут рвать его, еще живого, на куски... Мужик лихорадочно огляделся. В ногах жался Лохматый.

Глаза Лапы вспыхнули сатанинским огнем — собака? Живая тварь, кровь — вот, что нужно стае! Он ногой пихнул пса на встречу смерти, но бедняга, широко раскинув лапы, удержался. Все его существо выражало недоумение и обиду.

— Пошел, паскуда, — срываясь на петушиный фальцет, завизжал разъярившийся Лапа и нанес сапогомувесистый удар.

Лохматый сжался, и, сомкнув челюсти, мертвой хваткой вцепился в борт саней. А волки были совсем близко. Лапа уперся спиной в передок, поджал ноги и с такой силой ударили по лобастой голове, что пес, оставив на гладко отполированном дереве светлые борозды от клыков, косо слетел с саней и, перевернувшись в воздухе, рухнул на дорогу. Слух полоснули истошный визг, глухой рык.

«Всё, конец», — подумал Лапа, судорожно передернувшись. В беспощадной памяти остался немигающий, недоуменный, полный укора взгляд собаки.

Упряжка промчалась сквозь ольшаник и вывернула из ложбины на заснеженный холм, откуда уже были видны редкие огоньки деревни. Загнанный Гнедко замедлил бег. Только тут полураздетый Лапа почувствовал, как трясется от страха и холода все его тело. Закопавшись в сено, он натянул по-

верх кусок брезента и настороженно взгляделся в удаляющийся непроницаемо-черный лес. Испуг постепенно отпускал, уходил как бы внутрь. Но, раз за разом прокручивая в памяти происшедшее, Лапа то и дело невольно ежился.

Въехав на окраину деревни, он попридержал запаленного коня: «Добрый, однако же, у меня мерин. Другой бы не сдюжил такой гонки».

Подъезжая по унылой, пустынной улице, к своей красавице-избе за сплошным крашеным забором, расчувствовался: «Мог ведь и не увидеть боле!» Ставни были плотно закрыты. Свет не горел.

— Спит чертовка. Ей-то что, — озлился Лапа, вылезая из саней. Открыл ворота, загремел сапогом по двери.

В доме глухо завозились. Торопливо за семенили. Лязгнул засов. Дверь приоткрылась и Лапа, не взглянув, прошел мимо тощей фигуры в сени. Щелкнул выключателем — темно.

— Лампочка перегорела, Федя, — тихо пояснила жена.

Лапа чертыхнулся и скрылся за ситцевым занавесом в жарко натопленной горнице.

— Не думала, что так скоро. Назавтра ждала, — оправдывалась хозяйка.

— Мечи на стол, замерз, — скомандовал муж, опускаясь на табуретку. — Эх, черт, Гнедко-то на улице, — и, нахлобучив старую ушанку, поспешил выскочил из избы.

Распряг и завел мерина в теплое стойло. Накрыл подрагивающие, взмыленные бока попоной. Подложил в кормушку охапку сухого душистого сена.

— Ешь. Это тебе за справную службу, — Лапа протянул руку погладить ухоженную гриву, но мерин почему-то отвернулся морду.

— Ты чего? Чего ты? Эт ты зря! Да если б не Лохматый — мы б все погибли. Понимаешь — все! А я спас тебя... Спас! — горячо зашептал, оправдываясь, Лапа.

Гнедко, тяжело дыша, упорно смотрел в сторону. «А, может, и не погибли б?» — неожиданно уличил Лапу кто-то изнутри. Топором саданул бы одного, глядишь, другим остростка, а то и на порубленного собрата позарились бы». От этой простой мысли

Федор Дементьевич сник. «Совсем я расклелся. Чего голову себе морочу? Что сделано, то сделано... и сделано правильно!».

Проходя мимо конуры, зацепил цепь. Она сиротливо звякнула и обожгла сердце тупой болью. Пересиливая внезапно навалившуюся слабость, он воротился в избу. Жена ждала у накрытого стола. Умывшись в прихожей, сел, прижался спиной к теплой печке и замер.

— Как съездил Федя? Видал молодых-то?

— Видал... Живы - здоровы. Хоромы здоровущие, со всеми удобствами. Топят газом. Обещают на недельку приехать... Помочь по хозяйству.

— Да у них, поди, у себя в дому работы хватает, — робко возразила жена.

— Ничего, у себя всегда успеется.

— Мясо-то продал?

— А то! Мясо — не редька, только свистни, — Лапа нашупал завораживающе толстую пачку купюр и, вспомнив про подарок, вынул из другого кармана сверток.

— Держи, — развернул он цветастый платок.

— Ой, спасибо, Федя! Ой, спасибо!.. А красавит-то как!

— Будя трепаться, — грубо оборвал Лапа, шумно хлебая щи.

Примерив обнову у зеркала, жена еще более оживилась. На губах заиграла несмешная улыбка. Прибирая со стола, обронила:

— Пойду Лохматому костей снесу.

Лапа чуть не поперхнулся.

— Ложись-ка лучше, сам покормлю. Помолю заодно перед сном, — торопливо возразил он, — да и Гнедко пора поить.

Взяв миску, он вышел на свежий воздух. Покурил. Напоил коня. Опять покурил. Сколько ни старался Лапа заставить себя думать о происшедшем, как неизбежном и оправданном, гибель Лохматого занозой сидела в мозгу, палила огнем.

В постели Лапа без конца ворочался с боку на бок. В воспаленном сознании вновь и вновь возникала одна и та же картина: сквозь вихри снежной пыли взлетает темный силуэт, плавно переворачивается в воз-

духе и скрывается в гуще голодной, разъяренной стаи. Взлетает, переворачивается и...

За окном время от времени раздавались странные, непонятные вздохи. Он, напряженно вслушиваясь в них, незаметно забылся. И опять стая догоняла, окружала его, неумолимо затягивая живую петлю все туже и туже. В голове возник нарастающий гул смерти. А....а....а! — заметался Лапа.

— Федя, ты чего? Что с тобой? Заболел?

— Трясла за плечо жена.

Лапа затравленно уставился на нее — не мог взять в толк, где находится — все еще жил привидевшимся. Огляделвшись, наконец, узнал дом и жену.

— Фу ты, — облегченно выдохнул он.

— Чего кричал так, Федя? — допытывалась встревоженная супруга.

— Мяса видать переел. Мутит. Не доварила верно... Спи...

Жена принялась участливо гладить сивые, непокорные кудри мужа. Так и заснула, оставив маленькую жесткую ладонь на его голове. Лапа осторожно сдвинул ее на подушку. Сон не шел. Чем старательнее пытался он отвлечься, думать о чем-нибудь приятном, тем назойливей лезли в голову мысли о Лохматом. Со щемящей тоской вспомнилось, как принес его, еще безымянного щенка, домой. Как радовался тому, что растет сильный, не признающий чужих, страж усадьбы. Как преданно сияли собачьи глаза. Как ликовал пес, суматошно прыгал, захлебываясь счастливым лаем, встречая с работы хозяина, с какой готовностью исполнял все его желания...

Промаявшись почти до утра, Лапа осторожно встал, оделся и вышел в сени. Отпер дверь.

У крыльца из предрассветной мглы прступило косматое чудище: морда в рваных лоскутах шкуры, ухо болтающееся на полоске хряща, слипшаяся в клочья шерсть, злобно ощерившаяся пасть.

— Лохматый?! Ты?! Не может быть...

Растерявшийся Лапа, невольно попятился, запнулся за порог и упал. В голове вновь возник нарастающий гул смерти...

Проза

Наш друг из Москвы

Рудь Галина Анатольевна. Родилась в Украине. Окончила Московский историко-архивный институт. С 1969 года живёт и работает в Москве. Член Союза писателей России, член Союза писателей-переводчиков России (английский язык), член Московской Ассоциации гидов-переводчиков. Лауреат нескольких литературных конкурсов. Имеет литературные награды. Автор книг прозы, поэзии, переводов. Одна из главных тем Галины Рудь — кошки... и другие животные.

«Всякое дыхание да хвалит Господа»

(Страницы из книги)

Весь опыт моей жизни доказал, что животные помнят заповедь Бога — человеку быть царем, защитником всего живого. Порой, отчаявшись, угадывая тень этого подобия, животное обращается к нему за помощью. Жалобно мурчат голодные, замерзшие, обиженные кошки. Это к нам обращено их безнадежное, отчаянное «Мяу». Угадывая крупицу доброты в человеке, они идут к нему за помощью. И собаки устремляются за нами следом с надеждой найти себе хозяина. Ведь самое важное в жизни — быть чьим-то, кому-то принадлежать, кого-то любить, кому-то служить. Господь призывал людей к милосердию. Взыщет Господь с нас и за каждого обиженного нами зверя.

Известный народный любимец, киноактер и цирковой артист, талантливейший и очень добрый человек, участник Великой Отечественной войны Юрий Никулин вспоминал, как однажды на фронте он сидел в землянке с однополчанами. Война, холод, время го-

лодное. Но им повезло. Передышка, на столе все, что имелось на тот момент — хлеб с салом. С жадностью едят солдаты. Вдруг откуда-то появляется маленький серый мышонок. Зверек, видно, был так голоден, что, превозмогая страх перед человеком, приблизился к столу и протянул свою крошечную лапку: «Подайте!» Жалобно смотрел глазами-бузинками.

Один из сидевших на лавке солдат замахнулся прикладом, чтобы убить зверька. Но этому помешал Юрий Никулин, удержав его:

— Нет-нет! Не надо! Оставь!

Ведь мышонок обратился к человеку за помощью. Разве можно ему отказать?! И солдаты угостили незваного гостя, этого мышатного малыша, хлебными крошками и корочкой сала, не причинив ему никакого вреда. Остались людьми в то страшное время!

Кто был милостив к животным, тому это зачтется. Мы можем надеяться, опираясь на откровения святых и на некоторые свиде-

тельства простых людей, что о милосердных людях молятся спасенные ими животные.

Мир зверя — это мир загадки. В этой зам-

кнутости животного мира такая красота и такая тайна. И у каждого зверя своя судьба, своя доля.

«Молчалива так и хороша темная звериная душа»

(Рассказы о животных из нашей жизни)

ГОВОРЯЩИЙ КОТ ОРФЕЙ

Наш кот Орфей, стоило мне приступить к молитве, тотчас забирался ко мне на руки. Молился ли он вместе со мной по-своему? Не знаю. Но чувствовал кот себя «на молитве» очень комфортно.

Вообще, это был редкий говорящий кот. Возвращаясь домой с прогулки, он подробно рассказывал обо всем увиденном и услышанном от кошек и людей на улице или в подворотне. Или просто зачастую высказывал вслух свои мысли.

Когда мы забирали Орфея от бывших его

хозяев, они нас предупредили, что кот почти немой. Он родился в помете последним, был очень слабым, первый месяц вообще не издавал никаких звуков. Поэтому хозяева дали ему имя Герасим. А мы назвали его Орфеем. И наш кот оправдал свое имя. Очень скоро он «заговорил». И не просто произнося отдельные «мяу». Он «заговорил» целыми фразами, многие из которых мы научились понимать. А если что-то нам было все-таки не ясно, Орфей мог терпеливо повторять свою мысль несколько раз, удивляясь человеческой несообразительности, поскольку он-то нашу речь понимал с полуслова.

ИСТОРИЯ КОШКИ ЛЕСИ

В первый раз я увидела эту оранжевую одноглазую избитую, больную кошку с огромной опухолью на животе, отрешенно сидящей на дереве рядом с нашим домом. На вынесенное и предложенное ей мясо она не прореагировала. Видимо, кошку били — не убили. Соседка-старушка, помогавшая всем бездомным животным, попадавшимся на пути, поместила ее жить в коробке в нашем подъезде. Консьержка Валя ругалась: «Развели зоопарк!», но выгнать кошку не решалась. Я выходила покормить несчастное животное. Она все время спала. Но, увидев меня, просыпалась и каждый раз пыталась войти со мной в квартиру. У нас же к тому времени уже жил кот, ревнивец Орфей. Он имел собственный свободный вход-выход в квартиру через форточку, с улицы к которой он поднимался по лестнице, приставленной снаружи и крепко привязанной к окну. По этой-то лестнице через ту же форточку однажды пришла к нам жить и эта кошка.

А было это так. Утро. Варю кофе. Орфей уже «позавтракал», вернувшись домой, и ушел в спальню в комнату. Слыши, опять скребется, шебуршит на кухонном диване. Смотрю, а это рыжая — «осенняя» — одноглазая кошка свернулась клубочком там и закрыла голову лапкой, мол, «нет меня!» Я поняла это, как «и еды не надо, только не прогоняйте!» Но все-таки взяла кошку и, прихватив еды, отнесла назад, в ее «домик». Одноглазая же проявила завидное упорство, трижды проникая к нам тем же путем. Орфей был очень против непрошено гостьи, даже слегка поколотил ее... В конечном итоге мы оставили кошку Лесю жить у нас. Прооперировали ее. И как же нас удивил и умилил Орфей, когда мы увидели такую картину: лежит бедняга после операции вся в бинтах в кресле, тряслась, отходя от наркоза, а наш ревнивый и своеобразный кот подлег рядом и стал греть ее своим богатым телом! Он жалел эту старую больную кошку.

Когда она поправилась, Орфей стал де-

монстративно ее игнорировать, но не обижал. Хотя, беспраронно съедал еду из всех поставленных им мисок, молча, деловито оттесняя при этом кошку своей крупной головой, давая понять: «Здесь все мое!» И Леся это понимала. Но голод – не тетка. Поэтому она подходила к Орфею и тоже молча пыталась каким-нибудь боком просунуть, изловчившись, голову к тарелке, из которой ел кот. Вскоре они стали мирно сосуществовать.

Гулять с кошкой было одно удовольствие. Стоило только сказать ей: «Леся, домой!», как она послушно мчалась стремглав в квартиру. Прожила Леся с нами больше двух лет. Это была удивительно благодарная, умная,

аккуратная, очень музыкальная кошка. Часто она сидела на диване и громко пела, несмотря на то, что была уже старой и больной.

В мир иной Леся ушла вскоре после второй операции. Умирала она тяжело и мужественно, изо всех сил стараясь успокаивать меня, печально-благодарно мурлыча, стоило мне тихонько погладить ее. Так и «уснула» у меня на руках...

Стояла суровая московская зима. Земля — каменная. Как и где выкопать могилу? Мы положили нашу бедную кошку в коробочку и закопали в снегу в роще, неподалеку от дома, рядом с железной дорогой. А весной перезахоронили Лесю в землю.

СЕРЕНЬКИЙ КОТЕНОК

Моя знакомая Ирина рассказала невероятную историю про свою любимицу. Ее красивая белоснежная пушистая кошка принесла котят — трех красивых беленьких, копия она, и одного серенького, невзрачного.

Сидит как-то хозяйка, смотрит на кошку и говорит огорченно:

— Что ж ты наделала, Муся? Куда я буду девать твоих котят? Ну, беленьких, ладно, еще как-то пристрою. Набегаюсь, но пристрою... А с сереньким-то что делать? Куда его-то?

В следующую минуту раздался звонок в

дверь. Пришел сосед. Сел в кресло. Вдруг, кошка берет в зубы серенького котенка, прыгает к соседу на колени и кладет своего «некрасивого» детеныша ему на грудь. Сосед удивился. Изумленная хозяйка рассказала гостю о своей «воспитательной беседе» с Муськой. Но у соседа жили собаки, и котенка взять к себе он не решился, пообещав его пристроить «в хорошие руки».

Через неделю в квартире кошачьей хозяйки собрались гости. И снова Муська, схватив за шкирку своего серенького котенка, прыгнула на колени к одному из гостей, который, видно, приглянулся ей, мол, «Возьми, пожалуйста, я тебе доверяю...»

Поэзия

КОРЖ Александр Иванович

Родился в 1956 году. Выпускник Военной инженерной Краснознаменной академии им. А. Ф. Можайского (г. Ленинград), выпускник института журналистики (г. Киев), руководитель строительного предприятия «Боярские мастера» и президент одноименного творческого объединения. Автор поэтического сборника «Семь шагов», где прослеживается суровый жизненный опыт офицера авиации, исколесившего весь Союз от Заполярья до степей Монголии и гор туркменистана, где малая родина Боярка в судьбе военного, поэта и гражданина стала точкой отсчета созидательно-творческого врастания в жизнь, в ее духовное пространство.

Председатель Всеукраинской общественной организации «Конгресс литераторов Украины». Живет в Киеве.

МАЛАЯ ПОДЬЯЧЕСКАЯ

Малая Подъяческая,
Пивная у моста,
Голоса ребячье, —
Та ты и не та.
Дождик сивой моросью
Пристает к губам.
Где ты, моя молодость?
Тихий шелест гамм
Тех дождей таинственных,
В бессонницу, от бед?
Кануло, как свистнул кто.
И остался бред.
Бред по тихой улице,
По уснувшим львам.
Ухожу, ссугулившись,
Под вороний гам.

ВАЛЬС НА СТАРОЙ УЛИЦЕ

А над Малой Подъяческой
Дождь, дождь, дождь,
Юность, в позе гордечства —
Ложь, ложь, ложь,
Ленинград, город вечности,
Мой, мой, мой.

Песню мнимой беспечности
Спой, спой, спой.
Грустью, ложью измеренной —
Лей, лей, лей.
Вновь мы жизнью проверены
Всей, всей, всей.
Мудрость львов не проснувшихся
В нас, в нас, в нас.
От надежд не вернувшихся
Глас, глас, глас.
Все покинем и в плаванье
В ночь, в ночь, в ночь.
А над грешною гаванью
Дождь, дождь, дождь.

СЕМЬ ШАГОВ

Ну, что же — давай полетаем —
Всего семь шагов и обрыв.
Внизу — украинские дали
Лежат, белы руки раскрыв.
Сияньем полдневного снега
Слепят наши души до слез,
И кличут в полет, как к побегу
Попавших под грязный донос.
Дай руку, не бойся, из плена
Неверящие не бегут!
До края всё суетно, бренно,
За краем — лишь Господа суд...
За краем — лишь выдох полёта,
И страшен спасительный вдох!
За краем — дороги в замётах
Белейших, библейских снегов!
Чернь колкого, зимнего леса,
Таинственность кинутых сел,
Позёмка колючей, белесой,
Напастью забвенье несёт.
За краем — столбы с проводами
Опутали светлый ковёр,
Страна Чистоты и Страданий,
Безвременья, Веры и Скор.
Зову тебя к гулкому краю,
Ты, кутаясь в шубку, стоишь.
Ну, что же! Наш день дрогает!
И падает в белую тишину.

Боярка, 1989-1990 гг.

* * *

...У птицы не спрашивай, сколько отпущено —
У памяти светлого слова проси.
Не в каждом kraю на таланты удушье —
Недолго поэты живут на Руси.
Со Словом живу, хотя в храме не венчаны
(дай, Бог, чтоб не канули в Лету труды),
Но если коснулся Учения вечного,
То вправе ли ждать благодарности, мзды?
Чем жил — написал и судьбу не обманывал,
Обид не копил и не вскармливал месть.
За Ханской горой, на кладбище в Салтановке
Два тополя мощных, седеющих есть.
Так если уйду непредвиденно, кинув всё,
То тело несут пусть под те тополя.
Приют твой последний над Хопром раскинулся,
Бессонницы, сны обступили, велят
Усталой душою в минувшее врезаться
И, версты под звёздами к Хопру покрыв,
Позвать твою душу и встречей, как лезвием,
Раскрыть одиночества черный нарыв.
И с легким, без боли, спокойным дыханием
Над каждым поступком услышать твой суд,
Поверить, что жив ты, да вот только раненый,
И вспомнить места, где нам верят и ждут.

ОСЕННИЕ ИТОГИ

В очарованье тончайшего дыма
Осень уходит, торжественно, зrimo.
Мимо полей отуманенно-сизых,
Мимо лесов почерневших, безлистых.
Сумрак вечерний на плечи набросив,
С тайной, с улыбкой скрывается осень.
За шалевой тучей, серой, пушистой,
За ветра порывом, влажным и мшистым,
За поворотом дороги вечерней,
За вдавленной в серое тополя чернью,
За запахом снега —
 тревожным и страшным,
За ненаписанным словом однажды,
За суесловной и мелкой судьбою,
За крах испытаний последних — тобою.

ДОРОГА

Ну, наконец-то! Веры нет,
Волной не хлещет дурь у ног.

Но станет ли мой путь ровней —
Покажет пыль пустых дорог.
Сомнений плащ от бурь просох,
За посох стали труд и долг.
Жаль, что в скитаньях стал босой,
Зато в дорогах знаю толк.
Куда б ни шел, так ставь ступни,
Как мудрый, лёгонький даос —
Не раз-да-ви, не нас-ту-пи
На все, что встретить довелось.
Пусть время сдует лёгкий след:
Под ним ни крови, ни побед.

ВСТРЕЧА

Разреши пошептаться с тобой, Ленинград?
Вспомнить судьбы, все боли свои и сомненья.
Мне грустно немного, но так удивительно рад
Видеть лица твои, улыбки, движения.
Наши встречи с тобой до боли редки,
Ну, а серое небо так прекрасно

 в своем постоянстве.

Ноты грусти твоей превратились в изгибы реки,
Замирают вдали.

 Разрывают лета и пространства.
Как легко и покойно,

 когда слышишь дыханье твоё!
Этих линий полет, этот дождь, этот ветер!
Кружит лица и улицы,
 кружит город тающий лед,
В вихре ночи я Юность на улице встретил.
Бетви мокрых деревьев, кивая задумчиво вслед,
Обещать не хотят ничего —

 лишь сплошные разлуки.
Но идет по мосту мне навстречу бледный Поэт.
Он хмелён, и от ветра в карманы упрятаны руки...
Ленинград — моя боль, моя радость и грусть.
Как тревожно сейчас, торжественно и печально.
Улетаю в пургу, губы шепчут упрямо:

 «ВЕРНУСЬ...»

Я вернусь, улыбнусь,
так же просто и так же нечаянно.

СПЕКТОР Владимир Давидович

Родился 19 июня 1951 года в г. Луганске. Окончил Луганский машиностроительный институт и после службы в армии 22 года проработал инженером-конструктором, ведущим конструктором на тепловозостроительном заводе. Автор 25 изобретений, член-корреспондент Транспортной академии Украины.

В 90-е годы работал в Луганске на радио и телевидении, где создал сотни авторских программ, став лауреатом региональных журналистских конкурсов.

Член Национального Союза журналистов Украины, главный редактор литературного сайта и альманаха «Свой вариант», научно-популярного журнала «Трансмаш». Автор 20 книг стихотворений и очерковой прозы. Член Исполкома Международного Сообщества Писательских Союзов и Президиума международного Литературного фонда. Руководитель Межрегионального Союза писателей и сопредседатель Конгресса литераторов Украины.

* * *

Теплый ветер, как подарок с юга.
Посреди ненастья — добрый знак.
Как рукопожатье друга,
Как улыбка вдруг и просто так.

Жизнь теплей всего лишь на дыханье,
И длинней — всего лишь на него.
Облака — от встречи до прощанья,
И судьба. И больше ничего.

* * *

Всеноародно известными стать не дано
Современным поэтам.
Их слова вылетают, как птицы в окно,
И — без ответа.

Маломощны их книги, как Даймлер и Бенц
В самом начале,
И, к тому же, утерян терновый венец.
Вы не встречали?

Боже, как сладко услышать: «Поэт...»
Мыслей властитель.
Это вопрос или сразу ответ,
Глупый, простите...

Сколько их, сколько их!.. В каждом селе.
Город, подвилься.
И не поймешь — мысли их на челе,
Или на джинсах.

Но и безденежью наперекор,
Пишут и пишут...
Сносят судьбы не укор — приговор,
Как сносит крышу.

* * *

Притворяюсь веселым. Знакомое дело.
Несмотря ни на что, веселюсь и пляшу.
Что в душе наболело — скрываю умело,
И за то, что несмелый — прощенья прошу.

Открываю и вновь закрываю скрижали.
Паникую и вновь обретаю покой.
И удача внезапной сестрою печали
Вдруг бросается вслед за случайной строкой.

* * *

Всё своё — лишь в себе, в себе,
И хорошее, и плохое.
В этой жизни, подобной борьбе,
Знаю точно, чего я стою.

Знаю точно, что всё пройдёт.
Всё пройдёт и начнётся снова.
И в душе моей битый лед —
Лишь живительной влаги основа.

* * *

Готовы оправдать любое зло,
Всё понимающие, светские...
Мне на таких всегда везло
И в это время, и в советское.

Понять их, в общем-то, легко.
Своя рубашка дольше носится...
А то, чем пахнет твой покой, —
Так это лишь с потомков спросится.

КРИВОНОС Сергей Иванович

Член Национального союза писателей Украины, регионального союза писателей Украины, Конгресса литераторов Украины, Международного сообщества писательских союзов. Автор 11 поэтических сборников. Живет в г. Сватово Луганской области, работает главным редактором районной газеты.

* * *

Как осторожно сделали Вы шаг,
Чтоб вновь войти в сентябрь
и осень слушать.
Я тишины, конечно, не нарушу
И побреду за Вами, не спеша.

Шумел сентябрь цветасто-озорной,
Но замер вдруг послушно перед Вами.
И, восхищенный Вашими очами,
Осыпал тропки яркою листвой.

Бреду за Вами, медленно бреду.
Вы, может, спросите: «К чему старанья?»
Отвечу: «У меня есть оправданье —
Я все печали Ваши уведу».

Как величаво падает листва,
Светлеет мир от этого паденья.
Нет, никогда я не предам забвенью
Для Вас одной хранимые слова.

И Вы, пройдя молчанье сентября,
Слегка цепляясь за обрывки звуков,
Вдруг бережно протянете мне руки,
И светом нас благословит заря.

Не возражайте, пусть все будет так,
Не разрушайте доброе молчанье,
Ведь у молчанья — тоже оправданье,
Оно — согласья, как известно, знак.

Побудьте рядом, окажите честь.
Здесь тишина, а где-то громко плачут...
Ведь сложно этот мир переиначить,
Он всем дарован нам таким, как есть.

Ловлю Ваш взгляд и боль свою терплю,
И вновь дышу в такт Вашему дыханию.
Конечно, у меня есть оправданье, —
Я ВАС ЛЮБЛЮ!

ПАЛАЧ

Приснится вой, приснится плач,
Увижу, как толпа клокочет.
И я, «Бесчувственный палач»,
Проснусь в поту холодном ночью.

И мысленно вернусь назад:
Колода... снятая рубаха...
Беспомощно глядят глаза,
Объятые предсмертным страхом.

И вновь — толпы тяжелый вздох.
Вокруг — взъерошенные лица.
Пусть честно исполняю долг,
Но понимаю, я — убийца.

И кажется достойной цель —
Казнить отъявленного вора.
Но маска на моем лице
Напоминает грим актера.

Вот выпью водки и — плевать,
Что этот вор — еще безусый.
Моя работа — убивать,
И я не должен промахнуться.

Топор... Удара звук глухой...
И состраданье... и злорадство...
И голова, как шар земной,
Летит сквозь время и пространство.

На тропинках небес тучи в звездной пыли,
Непоседливый ветер гоняет их резво.
И краснеет восток, словно кто-то вдали
Тонким месяцем небо разрезал.

Наполняется сад хриплым криком грачей
И стучится в окно веткой ясения сонно.
Вот и ветер уже за поводья лучей
На дыбы поднимает гривастое солнце.

А у чувств моих нежности есть два крыла,
И к тебе тороплюсь,
чтобы сердцу открылось:
Жизнь моя неприметна и очень мала —
На ладонях твоих поместилась.

Дебют в «Доле»

ЕТОН Ксана

Родилась и выросла в Донбассе, в г. Макеевке в семье инженера-металлурга и балерины. По профессии бухгалтер-экономист с блестящим знанием английского языка. Верит, что литература — ее призвание, намерена развивать данные Богом способности в этом и в будущем видит себя только на литературном поприще. Эта публикация у Ксаны первая. Пусть она станет для нее своеобразной путевкой в литературную жизнь. Пожелаем ей УДАЧИ!

ОСЕННИЙ СПЛИН

Осенний сплин застал опять за чашкой чая,
остывшим ветром залетев в мое окно.
Улыбкой грустной желтый листик привечая,
прозрачных капель бойкий танец замечая,
я понимаю — вот и осень. Мне смешно
стоять столпом, горой взметнувшись в поднебесье,
и свысока глядеть на бед чужих разброда,
когда в душе некстати выюги куролесят,
когда тревожит сонм нелепых околесиц,
а за окном дожди, и переди — цейтнот.
Рукой холодной робко плечи обнимая,
щекой небритой по щеке моей скользя,
чужак какой-то мои слезы утирает,
но только вряд ли, бедолага, понимает,
что он — не ты. Тебя так мало. Донельзя.

2008

СТОЛИЦА

Я люблю твои тихие улочки
на задворках твоих площадей.
Запах кофе, французские булочки
в переходах. И толпы людей.

Я люблю твою роскошь надрывную,
блеск витрин, гул метро, шорох шин,
твою бедность и грязь непрерывную
на окрайках, ворчанье машин.

Я вдыхаю твой воздух особенный,
полный смога и древних надежд.
Слышу звуки твои и мелодии,
вижу блеск твоих модных одежд.

Я в себя твои беды и радости
пропускаю. Я чту твои лица.
Я люблю твою силу, и слабости...
Я к тебе возвращаюсь, столица!

2009

ГЛОТОК АБСЕНТА

Плетет узоры дорожной пылью
июньский ветер.
Растает скоро ненужной былью
мечта о лете.

Придут метанья души влюбленной
щемящей лентой.
Привычным станет густой, зеленый
глоток абсента.

Пронзит кометой тревожных мыслей
поток летящий.
Не надо света, не надо истин,
он — настоящий!

И глаз зеленых разрез кошачий
лукаво взглянет,
слез потаённых надежду спрячет
абсентной гранью...

2011

КУРНОСОЕ СЧАСТЬЕ

Курносое солнце,
веснушчато щурясь,
игриво ласкало
заснеженный край.
Курносое чудо,
вздыхая и хмурясь,
проверить пыталось
в придуманный рай.

Глубоким сапфиром
далекое небо
манило, гитарно
струну теребя, -
туда, где еще ты
не грезил и не был...
Дымилась сигара
частичкой тебя.

И голосом низким,
как горное эхо,
курносое счастье
лепило грозу,

дождинки вдыхало
себе на потеху
и тонким запястьем
стирало слезу...

Как добрый волшебник
придуманной сказки
отводит ненастье,
лишь верно любя, —
так глупо, наивно,
ворованной лаской
пыталась украсть я
частичку тебя.

2011

МНЕ ХОЧЕТСЯ...

Мне хочется, как в детстве,
пробежаться босиком по лужам,
и чтобы все деревья стали снова
сказочно большими,
и чтобы целый день дышать —
не надышаться теплым ливнем,
и снег глотать украдкой,
даже если ты слегка простужен.

Мне хочется мечтать взахлеб,
без передышки, облаками,
пушистыми и чистыми, легко,
до замиранья сердца,
и чтобы отдавать тепло, гореть —
не тлеть! — и этим греться.
Мне хочется прозрений важных,
словно в книжках Мураками.

И чтобы кто-то сверху при раздаче счастья
твой кусочек
случайно не отдал в чужие руки,
и отмерил полно,
и чтобы звезды — ярче, небо — выше,
и бесстрашней — волны,
и Бога — хоть одним глазком,
и мудрости — хотя б глоточек...

2011

ШИРЯЕВ Николай

ЛИИН-ГВА-ГВА

Присниться б адресантам, а пока
Наскресь морфем, поймать бы языка,
Найти бы ключ, спасти святое чтобы.
Мне говорили, мол, велик, могуч —
Ах, разогнать бы ширпотребобуч
И строй его расправить до амёбы.

Когда стиха всегда взведён курок,
Любая долька счастья — не порок
И пивом можно бавиться, как дети.
Но ты сантехник. Но родная речь
Не перестанет течь, и течь, и течь.
Но разводной не покладая меч,
Но перед речью — мы за всё в ответе.

В контексте судеб, словно конь тыгдым,
Мы новый код, вестимо, норовим, —
В контакте безопасный, кисло-сладкий,
Играющий слюною за щекой.
А рядом с ним, ещё и не такой,
Горяч язык в предверье лихорадки.

Родился в 1970 г. в г. Обнинске Калужской обл. С шести лет безвыездно проживаю в г. Симферополе. Окончил в 1992 г. Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе. Преподаватель биологических дисциплин в вузах, кандидат биологических наук, доцент.

Стихи пишу с 13-ти лет. Автор трёх поэтических сборников: «Версии» (2003), «Строки» (2005), «Продолжения» (2007). Дипломант Пятого Волошинского литературного конкурса в области прозы (2007). Обладатель Гран-при Всеукраинского поэтического фестиваля «Подкова Петраса-2011». Независимый литератор.

Мой синтаксис, ты видел, как меня,
С танцульки на танцульку семеня,
Какая-то капустница мочила?
Но там уж кто к устам её приник,
Тому в гипоталамус золотник.
А нам — неколебим, могуч, великий
Родник, рудник, Аскольдова могила.

МОСКОВСКАЯ РАМАЯНА

Обуяла, знаешь, до жизни жадь,
А байда расплещется без труда.
Кружевная Софья, устал я ждать,
Ты мне скажешь свое когда.

Погулял я по миру. Комцу мир!
Подожди, послушай — с хренком не съем!
Вот тебя там, Софья, смешной кумир,
Нет совсем.

Сладко дятся дымы родных краев.
До чего ж я взмылен от тех европ!
Третий глаз мне высоветил ёмаё
И от этой правды я стал циклон.

По следам болото — князьки да знать, —
Залегло за окнами вдалъ и вшири.

А слабо кайсацки в Иран скакать?
А потом волконски в Сибирь, в Сибирь?

Дорогая Софья, тебе смешно?
Все, что сбылось, сбыто в последний раз.
Расплескала Нюшка пшено, пшено.
Знать, Петрушка дует на хлебный квас.

Попалились! Всем-таки нам к врачу.
Ведь на то и Чацкий — чадит, чадит.
Заскулит Молчалин — молчу-молчу,
Зарыдает Софья — уйди, бандит.

Вот поэт, растерзанный вдребадан,
Вот Москва — столица хваленых бед.
Вот когда в Саратов, а не в Иран,
Вот тогда и кончится Грибоед.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВ

Задайте современному уму
Пройти средневековую чуму,
Как нас учили розгой в дни иные
Не придавать значенья ничему.

В одной молве, под пиво хороши,
Сойдутся кутежи и витражи,
Дородных чисел ярмарки кружные,
Невинных нот сплошные дележи.

Играючи войдёт в свои права
Высокого искусства трынь-трава.
Ведь был же на часах какой-то Моцарт
И в Австрии случались кружева,

Какая-нибудь мягкая постель,
Какая-нибудь лёгкая пастель,
Какое-нибудь счастье, как придётся,
Апрель, капель, сплошная канитель?

АВИАТОР

В кораблик слов мокни пера очин
Без указанья мелей и причин,

А после, как всегда, мели емеля,
И пусть твой ножик будет перочин.

Уже как часть саднит родная речь,
То в дрожки попадая, то ли в печь.
Пока нежна погода на неделе,
Всем остальным не поздно пренебречь.

Мечты и мачты выщерблены. Хоть
Душа желанна — непрестанна плоть.
К обеду, как луна, взошла Аглая —
На пару с нею нас не побороть.

А где-то в поле трактор суперблю.
Я исправляюсь в среднем к мартобрю.
Нет, я еще не эпосы соглаю,
Но как звезда с звездою говорю.

РЕКА ОДИНОКО

Изображаем зверя в строчку:
Наш зверь перед природой чист.
Он априори одиночка,
Своей судьбы рецидивист.

Его предел — избыток пищи,
Его спасенье — плотный мех.
Такой сочувствия не ищет.
Другое дело — человек.

Доверив суэтное блогу,
Стучась в очередной Сезам,
Он обращаться может к Богу,
К психологу или к друзьям.

Он тот, чья печень не остынет.
Правдивый самый лицедей,
Порой он чувствует в пустыне
Себя как бы среди людей.

От спортплощадок и до спален,
Чуть озаряется восток,
Он окружен, и неоставлен, —
И тем вернее одинок...

г. Симферополь

НАСЛЕДНИК

(Рассказ)

Фамилия у него была громкой — Кутузов. И хотя за Василием никаких полководческих талантов не отмечалось и ни одна веточка его родословной никоим образом не отходила от родового древа великого полководца, память о знаменитом однофамильце он чтил. Портрет фельдмаршала висел над сервантом, а диван Василия стоял у противоположной стены, и потому Михаил Илларионович видел Василия в любом его состоянии. Смотрел он на него и сейчас. Смотрел с презрением, положив руку на эфес шашки, опущенной муаровой лентой. А сам Вася мучился на диване. Нестерпимо болела взлохмаченная голова. Не помогала никакая аутогенная тренировка, сердце не подчинялось внушению, билось усиленно и громко. Василий страдал. Он вертелся на скрипучем диване и никак не мог найти удобного положения ложился на левый бок — сильно прослушивалось сердце, переворачивался на правый — стыдно было легендарного однофамильца. Василий лег на спину и, потирая пятерней грудь, громко застонал. В это время к нему постучали.

— Открыто! — крикнул Василий.

КОРСУКОВ Виктор (г. Новосибирск) — писатель, член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Бывший военный, генерал-лейтенант. Мастер спорта Международного класса по военному многоборью.

По коридору прошлепали, и в дверном проеме появился сосед в полный рост в расстегнутой рубашке.

— Болеешь, — посочувствовал он.

Было видно, сам сосед страдает тем же недугом, что и Василий.

— Не говори. Сердчишко — как орел за решеткой.

Василий, кряхтя, приподнялся, сел и с надеждой уставился на соседа. Тот засмутился, опустил голову и подсел к другу.

— Слушай, Вась, ты у моей займи червонец.

Кутузов заскучал. Надежда уходила.

— Не даст, — обречено сказал он и, тяжело вздохнув, стал было укладываться.

— Постой, Вась. Тут дело такое. Я своей сказал, что ты наследство получил из Канады. За это и пили вчера.

Это было что-то новое, по комнате заходил призрак грандиозной авантюры, и Василий поначалу чуток обалдел и ошело глядел соседу в лицо.

— Какое наследство? От кого? — прошептал он.

— От родственницы. По его линии, — и сосед головой указал на Кутузова-старшего.

— Ты же ей сам врал всегда, что у тебя родственница за границей богатая.

— Так она что, поверила?

— Вчера как будто нет, а сегодня спрашивает смехом: «Сколько ему по наследству-то выпало?» Я говорю: «Не знаю, но что-то очень много». Вот так, — заключил сосед и, уже совсем не смущаясь, посмотрел на «наследника».

Дальше события развивались стремительно. Без стука вошла жена соседа, Шурочка. Она улыбалась, и вид у нее был праздничный, приветливый.

— Здравствуй, Василий, — радостно и громко, будто век не виделись, сказала она. — Давненько я у тебя в гостях не была. Захламил ты квартиру. — Она обвела комнату по-хозяйски оценивающим взглядом. Хорошо, по-доброму глянула на портрет полководца и восхищенно пропела: — Да-а...

Компаньоны молча, с некоторым страхом наблюдали за возбужденной и радостной Шурочкой.

— Как у тебя дела, Вася? — спросила она, усаживаясь у дверей на довольно потрепанный стул.

У Василия запершило в горле. Он громко проকашлялся.

— Да вроде ничего, помаленьку, — и посмотрел на притихшего с выпученными глазами друга. Шурочка же мужа не замечала.

— Я слышала, радость у тебя?

Кутузов несколько оживился, заерзal на диване и стал чесать голову.

— Да не говори. Даже не знаю, что делать. Не думал, не гадал, и вдруг — бац и...

— Шурочка, не мигая, смотрела на Василия, — и пятьсот тысяч где-то, — выпалил Василий и стал смотреть на соседову жену, тоже не мигая.

— А не много ли? — не выдержав честного взгляда, хитро спросила соседка.

— Да нет. И все, понимаешь, в долларах, — уверенно ответил он.

Вася входил в роль. Терять ему было нечего: поверит — так поверит, не поверит — так ради хохмы получится. Но все же нутром чувствовал, что ему верят.

— Ну и что ты думаешь делать с ними, с деньгами-то?

— Ты знаешь, Шура, ума не приложу. Да их еще и нет. Пока, знаешь, дела, бумажки, пересылка, обмен валюты. Это, наверняка,

месяца на два растянется, если не больше.

— Конечно, — согласилась соседка, — я понимаю, — Не перевод же на десятку. Это деньги большие.

— Я и говорю. Вчера вот обмывали, а я пил и все думал, а что мне с ними делать? До сих пор голова болит. Твой вот говорит, школу построить, а на остальную часть — живи, мол, не работай, — и оба только сейчас посмотрели на притихшего Мишу. Тот, оказавшись в центре внимания, пролепетал: — Ну, так и надо.

— Да ты-то что понимаешь, алкоголик несчастный, — отмахнулась от него жена, — молчи уж.

— Во-первых, я не алкоголик, — вдруг воспрял духом Михаил, — во-вторых, мне вчера Василий обещал тысячу пятьдесят, — врал он, помахивая руками, — обещал же, Вася, помнишь?

Василий, не глядя на самозваного претендента, сказал:

— Раз обещал, что уж теперь. Пятьдесят — так пятьдесят, — он помолчал. — Но не больше! — вдруг крикнул он соседу в лицо, погрозив пальцем, и уже тише добавил: — Самому деньги нужны во как! — Василий приставил к горлу подрагивающую ладонь.

Шурочка презрительно глядела на глупого мужа: «При таком великом состоянии соседа можно бы и побольше просить», — думала она, — тем более в долларах, а он — лопух — пятьдесят тысяч». Вид у нее был несчастный. Василию стало стыдно за свою жадность и он тут же добавил:

— Ну и жене твоей пятьдесят, вот.

Сговор произошел. Все повеселели и оживились. Пора было приступать к главному, и Василий, помявшись и смущаясь, заговорил:

— Шура! Мне, знаешь, в моем положении край как неудобно просить тебя об одном деле...

Шурочка понимающим жестом остановила Василия.

— Вася! Как тебе не стыдно. Мы же пососедски, чем смогу — помогу. Что у тебя?

— Да поизстратился я маленько. С этим наследством чертовым, обмыв, поздравления, туда-сюда... Ну понимаешь, в общем.

— Сколько тебе?

— Шестьдесят, до получки, — еще не веря в осуществимость задуманного, выпалил он. Однако Шурочка отнеслась к этому заявлению спокойно и очень лаконично ответила:

— Щас.

На минуту она исчезла, и компаньоны переглянулись.

— Что делать-то? — Спросил «наследник». — Тяжело нам потом будет.

Сосед, непрерывно следивший за дверью, лишь рукой махнул:

— Не страдай, Вась. Все будет абгемахт.

— Последнее слово он произнес на чистейшем немецком, да так четко, что Василий даже удивился:

— Вот как! — сказал он и успокоился.

Появилась Шурочка с раскинутыми веером десятками. Веер она держала в вытянутой руке так, что купюры колыхались и приятно похрустывали. Василий взял деньги, сложил их в пачечку и профессиональным движением транжира бросил на стол.

— Спасибо, Шура! В долгу не останусь.

На мгновение возникло неловкое положение. Шурочка не уходила. Неуверенно почувствовал себя и Василий. Он влез пальцем в шевелюру непослушных волос и придал им несколько направленное положение. Шурочка еще раз, но уже более хладнокровно, оглядела обиталище счастливого наследника, опять же глянула на именитого соседского предка в золотых эполетах, вздохнула, тихонечко и устало произнесла:

— Ну ладно. Я на склады пошла. Сегодня школьников прислали. Картошку перебирать будут, — и как-то нерешительно двинулась к выходу, предупредив мужа, который, руки по швам, стоял у дверей и преглуно улыбался, приоткрыв рот.

— Попробуй только выпить сегодня, алкаш!

Она еще немного постояла, с укоризной взглядываясь в мужину физиономию, и кратко произнесла:

— Рот хоть закрой. Распустил слюни.

Мишке, подчиняясь, втянул в себя воздух и, щелкнув зубами, крепко сжал губы. Шурочка было пошла, но на пороге вдруг резко обернулась и обратилась к Василию,

тоже столбняком стоявшему у стола. Но рука его уже прочно прикрывала несколько банковских билетов, раскинутых по бугристому полю столешницы.

— Вась! А что за бумажки-то у тебя, где про наследство написано? Много, что ль, ихто?

Василий на мгновение обалдел, и авантюрный подшипничек в его голове завертелся с необычайной ревностью. Он, пошатываясь, но уверенно подошел к серванту, вытащил из глубокого кармана ключик, осторожно, как сейф, открыл резко взвизгнувшую дверцу серванта и вытащил средних размеров книгу в красивом красном матерчатом переплете. Бережно прижал ее к груди и легонько похлопал по корочке.

— Все туточки прописано, Шура, все, — и быстро положил книгу на место. Дверца опять взвизгнула и захлопнулась, а ключик упал в тот же карман. Шурочка ушла и уже из коридора поставила Мишке оперативную задачу:

— Воды принеси и курей накорми. Слышишь?!

— Понял, понял, что я, дурак, что ли, тыщу раз повторять?

— Не знаю, кто ты, а все равно накорми, — и убежала, на ходу подумав: «Интересно, что в этой книге написано? Наверно, все по-английски, не поймешь», — но мысль заглянуть в нее уже прочно засела в Шурочкиной голове и время от времени напоминала о себе, побуждая к действию.

Кутузов, как в старые времена его теперешний «предок», взял командование на себя. Субботний день развернул перед ним множество захватывающих перспектив. Воду для дружной семьи совхозного бульдозериста Михаила принес он сам, нисколько не смущаясь своего нового и непривычного рокфеллерского положения. Простой был мужик Василий Кутузов и не гордый. Мишка же в это время ходко проследовал в сельпо и скоро, несколько запыхавшись, возвратился назад.

В скромном зале Кутузова на том же бугристом столе, покрытом газетами, была разложена исходная снедь — колбаса, нарезанная большими колесами, ноздреватые лом-

ти хлеба, желтые огурцы и чуть недозрелые помидоры. Не было только хрустальной посуды, не было также и вилок. Сначала, стоя, выпили за великого полководца Михаила Илларионовича, потом, опять же стоя, за Шурочку. Все дальнейшее происходило сидя и даже как-то обыденно...

Позже вспомнили про голодных кур и пошли их кормить, прихватив, кстати, пару чекушек и один походный стакан. Курам зерна не жалели. Тут же, в курятнике, под бойкое кудахтанье выпили еще, запивая свежими сырьми яйцами. Вскоре куры забеспокоились, удивленные неожиданным вокальным концертом, впервые устроенным в их честь. Нестройный дуэт в сопровождении переполоха неводоплавающей птицы еще издали привлек Шурочкино внимание, но когда она подошла, все уже стихло. Куры поуспокоились и, продолжая терять перья, усаживались на шестах, а уставшие солис-

ты, сидя спали, привалившись спиной к деревянной решетке курятника.

Шурочка всхлипнула, однако, ловко вывернула карман «наследника», подхватила заветный ключик и быстро прошла в его комнату. Дверца серванта распахнулась, обнажив нутро шкафчика. Шура схватила красную книгу и, пробежав глазами великолепное золотое тиснение, прочла: «Л. Н. Толстой. Воскресение».

Шурочка села прямо на диван, бессмысленно полистала книжку, на заставке которой старушечьим почерком было написано: «Плимянику Васи от родимой тети Анастасии в день твоего ангела».

Махонькая слезинка прокатилась по румяному бугорочку Шурочкиной щеки и плюхнулась на дарственную надпись.

В тот же момент в окно лихо влетела песня: «А... выше звезд взлететь хочу я...» Песня неслась со стороны курятника и началась так неожиданно, что Шурочка вздрогнула.

ВИКТОРИНА «ДОЛИ» — «Кто? Где? Когда?»

Дорогие друзья! Журнал «Доля» — историко-краеведческий и литературно-искусствоведческий. Потому вопросы нашей викторины будут носить соответствующий характер. Возможности нынешней эпохи компьютера дают практически неограниченные возможности в познании мира. И мы нисколько не сомневаемся в том, что наши читатели с легкостью найдут ответы на вопросы викторины, даже если им что-то еще пока не известно. Тот, кто станет первым из самых знающих, получит приз — книгу О.Прилуцкой «Не повернется время вспять...». Итак, три вопроса викторины «Доли»:

1. Кто автор слов: «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, ибо спокойствие — душевная подлость».

2. Этот памятник стоит на родине великой актрисы Ф. Раневской. Назовите, пожалуйста, город, автора скульптуры и дату открытия этого памятника.

*Ответы присылайте на адрес редакции
с пометкой «Викторина».*

Писателям на заметку

Для продвижения русскоязычных писателей в Европе, работы над переводами, объединения литературного пространства Европы и стран СНГ, реализации двух больших фестивальных проектов «СЛАВЯНСКИЕ ТРАДИЦИИ» в Украине и в Европе, в Праге зарегистрирован

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНГРЕСС ЛИТЕРАТОРОВ.

**ЧЛЕНЫ ПРАВЛЕНИЯ
ЕВРОПЕЙСКОГО КОНГРЕССА
ЛИТЕРАТОРОВ (ЕКЛ)**
Басыров Валерий Магафурович
Дорошенко Николай Иванович
Елинек Ян
Канапьянов Бахытжан Мусаханович

Корж Александр Иванович
Раткевич Александр Михайлович
Силецкая Ирина Сергеевна
Спектор Владимир Давидович
Сыс Карел
Шемшученко Владимир Иванович
Шитов Анатолий Михайлович

Председатель правления: Силецкая Ирина Сергеевна
Почетный председатель: Костров Владимир Андреевич

Условия приема в ЕКЛ

1. Первыми в ЕКЛ вступают кандидаты в члены Правления ЕКЛ без рекомендаций.
2. Прием в члены ЕКЛ осуществляется Комиссией по приему в составе Правления ЕКЛ.
3. Вступить в члены ЕКЛ могут писатели, имеющие изданные книги (не менее одной), журналисты (имеющие опыт работы в СМИ и напечатанные статьи (не менее десяти), литературные работники, имеющие научные труды (не менее трех) по рекомендации 2 членов Правления ЕКЛ.
4. Вступительный взнос является однократным и составляет 20 евро, на которые изготавливается членская карточка, действующая в течение 5 лет, и ведется текущая работа. По истечении 5 лет или раньше (в случае ее утери) карточка изготавливается повторно за счет средств члена ЕКЛ.
5. Вступающий заполняет заявление по предлагаемой форме, отсылает ее и фото паспортного формата на почту slavtraditions@mail.ru
6. Прием новых членов ЕКЛ происходит один раз в полгода.
7. Исключаются члены ЕКЛ также решением Правления.
8. Голосование большинством голосов считается голосование 50% + 1 голос.

Условия работы Правления

1. Любой член Правления может добровольно выйти из него или может быть исключен большинством голосов членов Правления в случае существенных разногласий, мешающих работе ЕКЛ.
2. Любой член Правления может рекомендовать вместо себя другого члена ЕКЛ для голосования Правления ЕКЛ.
3. Любой член Правления может делегировать свой голос другому члену Правления.
4. Любой член Правления может внести пожертвования на работу ЕКЛ в любом размере.
5. Голосование большинством голосов считается голосование 50% + 1 голос.